

ЛЬДИНКА

*Вы еще не знаете,
что такое УЖАС*

Александр ВАРГО

МУСТ. Черная книга 18+

Александр Варго

Льдинка

«ЭКСМО»

2008

Варго А.

Льдинка / А. Варго — «Эксмо», 2008 — (MYST. Черная книга 18+)

Как весело мчаться по заснеженной тайге на быстрых снегоходах! Молодых людей вовсе не пугают плотные тени деревьев, и глубокие снежные заносы, и крошечная тьма вокруг, и даже то, что куда-то вдруг пропала дорога, а мобильный телефон не находит сеть. И даже когда заглохли моторы, парни и девушки не потеряли присутствия духа и пошли по мрачному лесу пешком. Но что за избушка попала им на пути? Домик лесника? Или приют? Что бы ни было – здесь можно заночевать, благо, в доме оказалась печь и даже дрова. Прочь дурное предчувствие! Кто осмелится обидеть таких здоровых, веселых и смелых молодых людей? Вот только зря они открыли крышку погреба и заглянули в подпол, где в глухой тишине застыла вязкая, бездонная чернота...

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Варго

Льдинка

В темноте амбара он поднял лохматую голову. Его желтые оцепенелые глаза слабо светились.

«Я голоден», – прошептал он.

Генри Элландер, «Волк»

* * *

Хабаровский край, 7 января 2007 года

– Ты почему остановился?

Тима на секунду задумался. Действительно, почему? Он был уверен, что им нужно ехать налево, но в последний момент его что-то удержало.

– Давай, поехали, – нетерпеливо продолжала Яна, крепче обняв молодого человека за талию, но тот не тронулся с места. Огромный снегоход, облепленный влажным снегом, тихо и монотонно урчал, послушно ожидая команды своих наездников. Издали он напоминал некий космический катер, который вот-вот стряхнет с себя комья снега и плавно поднимется в небо, прозрачное и звенящее от холода.

– Ты помнишь, куда дальше ехать? – спросил юноша, и Яна растерянно взглянула на дорогу.

– Я думала, ты помнишь...

– Тогдаждемся Антона с Ланой, – сказал Тима, заглушив двигатель. – Я не уверен, куда нам нужно сворачивать.

Объятия Яны чуть ослабли.

– Ты шутишь? – Она издала напряженный смешок и тут же сказала плаксивым тоном недовольного ребенка: – Я уже замерзла и хочу горячий кофе. С коньяком.

Тима не ответил. Он смотрел на развилку, пытаясь вспомнить хоть какой-нибудь ориентир, когда они катались здесь сегодня утром, но память, как неисправный факс, неизменно выдавала чистый лист, белоснежный и гладкий, как окружавший их снег.

Теперь, когда двигатель «Бурана» был выключен, он с удивлением обнаружил, какая в лесу царит божественная тишина. Он снял защитные очки, припорошенные снежной пылью, и посмотрел наверх. Кроны могучих сосен закрывали почти все небо, величественно смыкая огромные ветви вокруг зарождавшегося месяца, который, обозначившись вначале едва заметным мерцающим бледно-желтым пятнышком, постепенно проявлялся все четче и четче, обретая характерную изящную форму.

До слуха молодых людей донесся мерный гул, нарастающий с каждой секундой. Затем послышались залихватские вопли Антона, и через полминуты из-за деревьев показался еще один «космический катер», раскрашенный в крикливый канареечный цвет. Он несся на довольно большой скорости, Антон подбадривал себя и вцепившуюся в него сзади Лану кобальтовыми криками, словно был на родео и под ним был не снегоход, а взмыленный мустанг, только что заарканенный в прерии. «Буран» нехотя снизил скорость и опасно затормозил в каких-то пяти-семи сантиметрах от Тимофея. Не заглушая двигатель, Антон слез с машины. На нем была теплая камуфляжная куртка и забавная зеленая шапочка, по форме напоминающая колпак шута. Он подошел к Тиме с Яной, задирая очки на лоб. Румяное лицо улыбалось, глаза искрились от возбуждения, от очков на крыльях носа остались розовые отметины.

– Че встали, Тимыч? Батарейки сели? Или мочевого пузырь уже ни к черту? – хохотнул он, отряхиваясь от снега.

Тима молча показал на развилку. Антон проследил за жестом приятеля.

– И че?

– Хоть тресни, не могу вспомнить, как мы сюда ехали, – признался Тима.

Антон вернулся к снегоходу и выключил зажигание.

– Вы что, забыли дорогу? – поинтересовалась Лана, продолжая сидеть на снегоходе.

Она сняла с головы наушники и выключила плеер. Антон неопределенно дернул плечом и подошел к развилке. Несколько мгновений он переводил взгляд с одной дороги на другую. Обе выглядели как близняшки – абсолютно одинаковые по ширине, на каждой свежие следы от снегоходов.

– Слушайте, решайте скорее, мне холодно! – не выдержала Яна. Она стащила с рук перчатки и принялась согревать покрасневшие пальцы дыханием.

– Вон туда, – сказал наконец Антон, махнув рукой направо. Однако в голосе его не было уверенности, и это все заметили.

– Да? – с сомнением спросил Тима. Он поправил покрытую заледеневшей коркой шапку и кашлянул: – А по-моему, нам налево.

– Как это ты определил? – хитро сощурился Антон.

– Определил, и все, – отрезал Тима. – А ты почему решил, что нам направо?

Антон собрался что-то ответить, как подала голос Лана:

– Может, стоит позвонить ребятам? Или моему дяде?

– У меня батарея села, – с досадой произнес Тима. Антон и вовсе сказал, что забыл телефон на базе.

– Все-таки я думаю, что нам направо, – добавил он уже более уверенным голосом, оглядываясь по сторонам. – Да, сто пудей.

– Сто пудей, сто мудей... Что-то не чувствуется энтузиазма в твоём голосе, – ворчливо сказал Тима.

– Лана, а у тебя есть сотовый? – с тревогой спросила Яна, вновь натягивая перчатки.

– У меня «Мегафон», вряд ли тут будет сеть работать, – отозвалась девушка, но телефон тем не менее достала. Нажала на какие-то клавиши и медленно покачала головой.

– Так, короче. Командование беру на себя, – сказал Антон, опуская на глаза очки. – По местам.

– Так куда ехать? – не трогаясь с места, задал вопрос Тима, но Антон его уже не слушал. Он завел снегоход и, ловко объехав Тиму, медленно тронулся направо. Лана воткнула в уши наушники, после чего прижалась вплотную к Антону. Тима чертыхнулся, но тоже сел на снегоход. Яна тут же прильнула к нему, и юноша почувствовал, что тело девушки сотрясает мелкая дрожь.

– Потерпи, скоро приедем, – успокоил он Яну. «Надеюсь, Антоша, ты лучше меня запомнил дорогу», – подумал он про себя, все еще сомневаясь в правильности выбора приятеля.

– Скорее бы, – шмыгнула носом Яна, и они поехали.

Стараясь не выпускать из виду мелькающий среди деревьев снегоход, Тима не без удовольствия вспоминал проведенное здесь время. Он признался себе, что, невзирая на свою пусть и недолгую, но насыщенную приключениями жизнь, он еще никогда не отдыхал так замечательно. Еще бы, встретить Новый год в глухой тайге, практически в спартанских условиях, на это не каждый способен. Конечно, некоторые знакомые скептически кривили губы, узнав о затее ребят – мол, что за идиотизм, такой знаменательный праздник отмечать в каких-то дебрях... но, только попав сюда, Тима понял – это именно то, чего ему не хватало. Бесподобная природа с девственными лесами и пушистым, мягким снегом (он никогда не видел такого

снега даже в Подмоскowie и уж тем более – в городе), захватывающие спуски на лыжах, походы в заповедник, вот эти снегоходы... Кроме того, они с Антоном присутствовали на охоте, им посчастливилось попробовать приготовленную на углях молодую косулю, и вкус свежего мяса буквально ошеломил юношей – самый лучший шашлык, попробованный ими до настоящего времени, по сравнению с этим мясом казался подгоревшей подметкой от башмака. А все из-за родственников Ланы – у нее в здешних охотничьих угодьях работал родной дядя, благодаря которому для них и были организованы все развлечения.

С Ланой он познакомился в институте, во время сессии (они учились на вечернем отделении), и уже потом познакомил ее с Антоном. Единственное, что сейчас напрягало Тиму, – чрезмерные знаки внимания со стороны Яны. Она была близкой подругой Ланы, которая и предложила ей составить им компанию, зная при этом, что на фронте личных отношений у Тимы тишь да гладь. Отчасти это было правдой, у него не было постоянной девушки (были непостоянные, что, впрочем, его абсолютно устраивало). Но не хотел он видеть Яну в качестве объекта ухаживания.

Вот и теперь – прижалась к нему так, словно началось цунами, и если она ослабит хватку, ее моментально унесет, ну как минимум в открытый космос.

Вскоре пошел снег. Крупные снежинки, поблескивая в морозном воздухе, плавно кружились вокруг, и снегоходы чуть сбавили скорость – даже очки и плотно замотанные вокруг лиц шарфы не очень-то помогали: во время езды снежинки превращались в разозленных ос, старательно выискивающих у путников незащищенные места кожи.

Яна снова начала хныкать, и Тима как мог успокаивал ее. Он включил фару, с некоторой тревогой отметив, что скоро совсем стемнеет. Он все еще надеялся, что Антон выбрал верную дорогу, но червь сомнения уже проснулся внутри него.

Наконец он не выдержал и посигналил Антону. Снегоходы остановились.

– Че такое? – с недовольством крикнул Антон. Он снял шапку и отряхнул ее от снега.

– Разворачивайся, – сказал Тима.

– Как?! – опешила Яна. – Куда это разворачиваться? Это уже не смешно, Тима!

– Ты знаешь, удивительное совпадение, но мне тоже не до смеха. Мы давно должны были выехать на открытую просеку, а не ползти по лесу. Кстати, никаких просветов среди деревьев я не вижу.

– Ну и что? – спесиво сказал Антон, воинственно нахлобучивая свою зеленую шапочку еще глубже на голову. Тиме вдруг пришло в голову, что в ней он чертовски смахивает на спятившего скомороха, которого чем-то очень разозлили. – Я в отличие от некоторых хорошо помню дорогу.

– Нет проблем, – ответил Тима спокойно, не без труда подавляя в себе огромное желание наорать на заупрямившегося друга. – Давай условимся – если через пятнадцать минут мы не выйдем на основную дорогу, ты останавливаешься, и мы едем обратно.

– Десять, – рогатая шапочка самоуверенно качнулась. – Десять минут, тыщу петард мне в задницу, если я не прав.

– Только не говори потом, что я тебя тянул за язык, – бросил Тима, следуя за Антоном. В душе он давно понимал, что они едут совершенно не туда, куда им нужно, но вопреки здравому смыслу он почему-то не стал настаивать на своем. Может, оттого, что хотел увидеть раскисшее лицо Антона, когда он наконец поймет, что ошибался? Правда и то, что внутренний голос отчаянно твердил Тиме, что он выбрал не тот день и не то место, чтобы устраивать уроки жизни своему однокурснику, но... он промолчал, и они двигались дальше.

Снег клубился вокруг мелкой белой пылью, огни фар желтыми пятнами плясали по ссутулившимся под тяжестью сугробов соснам. Прошло десять минут, пятнадцать, но лес и

не думал выпускать их. Для признания полного поражения Антону понадобилось полчаса. К этому моменту они проехали еще две развилки, а небольшой снежок с неба превратился в самый настоящий снегопад.

– Ну что, доволен?! – зло прокричал Тима, слезая со снегохода. В меньшей степени он злился и на себя самого, доигрались, называется.

Антон выглядел подавленным.

– Я же отлично помнил все повороты, – пробормотал он.

Девушки тоже выглядели не ахти – если Лана просто побледнела, то Яна вообще была на грани истерики.

– Мальчишки, вы что, прикалываетесь? – чуть не плача, проговорила она. – Только не говорите, что мы по-настоящему заблудились.

– Дай дураку х... стеклянный, он и х... разобьет, и руки порежет, – пробормотал Тима.

Антон с вызовом посмотрел на Тиму, поняв, кто подразумевается под этим дураком, но не решился ответить колкостью. Он поправил (раз в десятый) шапочку, концы которой вяло повисли, напоминая испорченные огурцы; эта шапочка словно полностью разделяла вину своего хозяина, не пытаясь найти себе оправдания.

– Нас в любом случае уже хватились, – нерешительно сказал он, но Тима только усмехнулся.

– Ага. Только, как ты уже успел заметить, тайга большая, Тоха.

– Можно залезть на дерево, – предложил Антон.

– А там что? Кукарекать будешь? Да и пока долеешь, ночь наступит, – отверг эту идею Тима. – К тому же брякнешься еще, что с тобой, переломанным, делать? Ладно, разворачиваемся.

Однако и здесь их ждал неприятный сюрприз – места для маневра почти не было, и, чтобы развернуть снегоход, Тиме пришлось изрядно повозиться. Яна, чтобы не мешать, слезла и стояла у громадной ели, глядя на происходящее широко раскрытыми, как у испуганного олененка, глазами. Когда стал разворачиваться Антон, его «Буран» неожиданно скользнул в сторону, и передняя часть снегохода провалилась в сугроб. Антон попытался вырулить снегоход, но все попытки были бесплодны. Матерясь про себя, Тима стал ему помогать, что заняло еще минут десять.

Когда они были готовы, тайга окунулась в ночь. Свет фар выхватывал в сгущающихся сумерках снежинки, кружащиеся в затейливом хороводе. Облитые желтым свечением, они были похожи на волшебных бабочек, высеченных из чистейшего горного хрусталя. Источая мерный серебристый свет, на разозленных и смертельно уставших туристов взирала равнодушная луна. И хотя при любых других обстоятельствах Тима долго бы любовался великолепием таежного неба, сейчас ему начинало казаться, что в этот час словно все силы природы объединились против них. Чуть не плача, на снегоход забралась Яна. Тима махнул рукой, показывая, что начинает движение, рогатая шапочка качнулась как маятник, показывая, что сигнал понят и он готов.

Снегопад постепенно набирал силу, с каждой секундой ровняя и без того узкую колею с горбатыми сугробами, высившимися вдоль дороги.

Через пять минут у Антона внезапно погасли все габариты. К счастью, работал гудок, и он принялся отчаянно сигналить Тиме. Тот остановился.

– Фигня какая-то, – растерянно сказал Антон. – Лампочки, что ли, перегорели?

– Аккумулятор нормальный, сигнал-то работает. Что-то с проводкой, – сказал Тима, пощелкав выключателями на приборной панели снегохода.

– Это я и без тебя понял, – уныло произнес Антон и стукнул кулаком по пластиковому корпусу: – Не, ну ты видел такую непруху, Тимыч?!

– Следи за моими габаритами, – сказал Тима. – Я сбавлю скорость.

– Бензина-то хватит?

– Хрен знает.

Они снова тронулись в путь. Девушки сидели молча, как каменные изваяния, но Тима несколько не сомневался, что если в ближайшее время они не выйдут на нужную дорогу (какая дорога, все занесено снегом!), то главный концерт впереди.

Угроздило же так влипнуть! А ведь завтра у них самолет в Питер. Интересно, ребята на базе уже хватились их? Скорее всего, ведь прошло почти полтора часа, как они оторвались от основной группы. А все Антон! Сначала ползал по кустам, фотографировал разные шишечки с иголочками, потом раза два по дороге останавливались, чтобы он отлил. Впрочем, они тоже хороши – Яна всю дорогу капризничала, требуя, чтобы они остановились лишь для того, чтобы она поправила шарфик или вытерла уголки губ от смазанной помады.

Вскоре двигатель стал задыхаться и недовольно фыркать, намекая, что может заглохнуть. Тиме пришлось снизить скорость до минимума, но снегоход все равно едва тащился, как раненое животное. Тима боялся поверить своим глазам – колея впереди исчезала буквально на глазах. Будто какой-то невидимый сказочный великан разглаживал своей исполинской рукой снег, разравнивая и стирая дорогу, от которой теперь они все зависели.

Яна тоже это увидела и, выбивая зубами отчаянную дробь, взмолилась:

– Тимка, что происходит? Кк-куда мы едем!?

Тима оставил ее мольбу без ответа. С трудом вспахивая снег, «Бураны» с каждым следующим метром замедляли движение. Наконец фыркнув в последний раз, они замерли почти одновременно, снегоход Антона и Ланы пережил «коня» Тимы ровно на три секунды. Какое-то время все продолжали сидеть в полной неподвижности, будто погрузившись в летаргический сон.

– Че дэ? – выругавшись, спросил Антон, задирая очки. Перчатки, покрытые коркой льда, скрипнули.

– Что делать, говоришь? – задумчиво промолвил Тима. – Боюсь, дальше придется идти пешком. Иного выхода не вижу.

– Ты с ума сошел? – закричала Яна. Слезы сбегали по ее замерзшим щекам и тут же застывали, превращаясь в прозрачные дорожки.

– Тебе нельзя плакать, – заметил Тима, но в голосе его не чувствовалось особого сожаления, лишь констатация факта. Он напряженно вглядывался вперед. Дороги почти не было видно, только едва различимая полоска, и на глазах изумленных молодых людей эта жалкая полоска исчезала с ужасающей быстротой.

– Яна, снимай рюкзак и достань фонарь, – сказал Тима, но ошарашенная девушка не шелохнулась, и ему пришлось повторить просьбу.

– Тимыч, ты че, в натуре собрался пешком чапать? – не поверил Антон. Он сгибал и разгибал пальцы в похрустывающих перчатках, освобождая их от налипшего льда.

– А ты что предлагаешь? – не глядя в его сторону, задал вопрос Тима. – Сидеть и ждать Деда Мороза или Бэтмена?

– Но... с девчонками мы не пройдем и километра, – возразил Антон.

Тима окинул взглядом Яну с Ланой. Последняя уже не слушала плеер, она с нарастающей паникой следила за диалогом ребят.

– Антон, если мы останемся сидеть на одном месте, то очень скоро замерзнем, – тихо сказала она. Она слезла со снегохода и тут же очутилась по колено в снегу.

– А если вы попретесь в лес, то не замерзнете, да? – язвительно переспросил Антон. – И потом, забыли, какие тут медведи с волками водятся?

– Медведи сейчас спят, двоечник, – беззлобно проговорил Тима, размышляя. Затем скинул куртку, снял с себя свитер и протянул Яне: – Надевай. Иначе через десять минут в сосульку превратишься.

– А как же...

– Без разговоров, – оборвал ее Тима, и девушка безропотно подчинилась.

Тима надел куртку, после чего, взглянув на ее тоненькие перчатки, снял свои и тоже отдал ей.

– Я пойду один, – сказал он, включив фонарь. – Никуда не уходите.

– Тима, нет, – жалобно заговорила Яна. Она уже натянула теплый вязаный свитер юноши поверх своей легкой водолазки и теперь застегивала пуховик. – Не уходи! Ты... ты не можешь оставить нас!

Антон шагнул вперед. И хотя Тима не мог видеть лица своего однокурсника, он был готов спорить, что на нем застыл смертельный испуг.

– Послушай... Мы должны держаться вместе.

– И вместе сдохнуть? – жестко спросил Тима. Он говорил тихо, так как боялся, что разговор могут услышать девушки. – Мало времени, Тоха. Поверь, я иду не потому, что решил выдрючиться перед нашими дамами.

– Тогда я с тобой.

Тима покачал головой.

– Девчонки не должны оставаться одни. И кстати, попробуй собрать хворосту и разжечь костер. Зажигалка есть?

Антон кивнул с пришибленным видом. Он приблизился вплотную к Тиме, с усилием вытаскивая ноги из сугробов.

– Тимыч... а ты уверен, что пойдешь правильно? – шепотом спросил он, и Тима вздрогнул. Будто ледяная игла кольнула где-то в область сердца.

– Я очень надеюсь.

– Может, пусть «пылесосы» остынут? Позже попробуем снова завести? – предложил Антон: ему явно не хотелось оставаться за главного.

Тима только покачал головой. Он уже собирался идти, потом вспомнил о чем-то и достал из куртки фляжку в кожаном чехле.

– Возьми, там коньяк. Это если совсем будет холодно.

Проваливаясь по колено в снегу, Тима поковылял вперед. За спиной слышался сдавленный плач Яны.

– Что это? – спросила Лана, указывая на фляжку в руках Антона. – Спирт?

– Коньяк.

Яна продолжала всхлипывать.

– Ну все, перестань, – попытался успокоить ее Антон, но девушка неожиданно подняла голову и спросила:

– Мы ведь не останемся здесь навсегда, правда? Мы... у нас завтра билеты домой, вы помните?

– Яна, успокойся, – произнесла Лана, хотя голос у нее тоже заметно дрожал. – Все будет нормально, нас наверняка уже давно ищут.

Пока девушки разговаривали, Антон озабоченно поглядывал на фару снегохода Тимы: свет медленно, но неуклонно тускнел, а это означало одно – аккумулятор садился. Но если он выключит свет, чтобы сберечь энергию, они останутся в крошечной темноте, а для его впечатлительных сокурсниц это равносильно смерти. Он машинально открутил колпачок с фляжки и сделал глоток.

Скоро исчезла и та едва различимая полоска, которая до недавних пор гордо именовалась дорогой. Теперь Тима брел практически наугад, освещая свой путь фонарем. Пару раз ему казалось, что справа что-то светлеет, и он с надеждой шел туда, моля бога, чтобы это оказалась нужная им просека, но каждый раз его ждало разочарование.

«Еще метров сто, и я буду слышать потусторонние звуки», – подумал юноша, озираясь по сторонам. Он внимательно прислушивался в надежде услышать рокот снегоходов разыскивающих их ребят, но все, что улавливали его органы слуха, – тихий монотонный шелест падающего снега.

Подул ветер, и Тима зябко поежился – вязаного свитера однозначно не хватало. В ботинки набилось снега, и Тима уже всерьез задумался о разумности своего решения оставить ребят и в одиночку добираться до базы. Прыгающий луч фонаря выхватывал из темноты свисающие мохнатые ветви елей, напоминающие искривленные лапы доисторических рептилий.

Пройдя еще несколько метров, он вдруг остановился как вкопанный. Затем повернулся назад, посветил на протоптанную дорожку и почувствовал, как страх медленно стянул его внутренности, – его следы уже почти наполовину завалило снегом.

«А ты что думал, осел, – обругал он себя. – Этого и следовало ожидать».

Ожидать этого, в общем-то, действительно следовало, однако теперь в его голове занозой застряла назойливая мысль: каким образом он вернется назад, если ничего не найдет? Точнее, НИКОГО?

(Тогда ты просто замерзнешь, – ровно произнес внутренний голос. – Знаешь, как это случается? Ты будто уснешь, и все дела. Ведь не захочешь же ты возвращаться к своим товарищам без победы?)

Это верно, самолюбия у него хоть отбавляй. Он лучше превратится в ледышку в этой проклятой тайге, чем позволит себе вернуться к друзьям и, как в анекдоте, развести в стороны руки, типа «ну не змогла я, не змогла!»

Слева что-то прошелестело, и Тима посветил фонарем. На одной из сосен сидела крупная сова, ее желтые глаза, ослепленные ярким светом, недовольно жмурились. Встряхнув крыльями, она резко сорвалась с дерева и унеслась в темноту. С ветки, где она сидела, полетела снежная завеса.

«Забыли, какие тут медведи с волками водятся?»

Тима невольно улыбнулся, вспомнив фразу Антона. К слову, волки здесь действительно водились, причем довольно крупные, но почему-то встреча с ними совершенно не пугала его – куда больше его тревожила перспектива окончательно заблудиться и провести ночь в тайге.

Между тем снег продолжал набиваться под штаны, и ноги вскоре онемели. Руки тоже давно окоченели, и Тима пытался согреть их дыханием. Он прошел еще метров сорок и решил немного передохнуть. Да, это тебе не на снегоходах куролесить, «дыхалка» совершенно ни к черту, а все славное школьное сигаретное прошлое...

Экономя батарейки, он выключил фонарь и, вытащив одну ногу, принялся вычищать снег из ботинка.

Закончив, он снова включил фонарь... и замер. Прямо перед ним, шагах в двадцати, за облепленным снегом кустарником стоял дом. Самый что ни на есть настоящий бревенчатый дом, очень похожий на охотничью избу. Усталость как рукой сняло, и он, переваливаясь по-утиному, направился к избушке. Только бы ему повезло и внутри кто-нибудь оказался! Разыгравшееся воображение мигом нарисовало картину: он стучится в крепкую дубовую дверь, внутри дома слышатся шаги, скрип половиц, и на пороге покажется хозяин – широкоплечий приземистый мужчина лет пятидесяти с лопатообразной бородой... а в комнате тепло и уютно, в печке весело потрескивают поленья, а на столе котелок с гречневой кашей и мясом и важно попыхивающий самовар...

Тима проглотил слюну – последний раз они ели, наверное, часов пять назад, и теперь его желудок раздраженно урчал. До дома оставалась пара шагов, и настроение у Тимы упало – дом выглядел заброшенным. Ни света в заледеневших окнах, ни дыма из трубы, ни, что хуже всего, расчищенных дорожек... Более того, дом был настолько завален снегом, что Тиме понадобилось полностью обойти его, чтобы обнаружить дверь.

«Прямо избушка на курьих ножках какая-то», – подумал он, проваливаясь в сугробы чуть ли не по пояс. Он постучал в дверь. Тишина, что и следовало ожидать. Он прильнул к окну, но разобрать что-либо было невозможно – стекло все было затянуто ледяной узорчатой коркой.

«В крайнем случае, можно попытаться выбить дверь и заночевать внутри», – промелькнула у Тимы мысль, и он на всякий случай постучал еще, затем дернул ручку. К его удивлению, дверь скрипнула и приоткрылась на миллиметр. Тима, не веря в удачу, потянул дверь изо всех сил. Та приоткрылась еще немного – мешал снег. Ладно, это дело поправимое. Если в доме есть печь или камин, дрова они найдут. Главное – согреться.

Он закрыл дверь и, освещая фонарем едва видневшиеся ямки, что еще несколько минут назад были его следами, побрел назад.

Антон тем временем прилагал поистине героические усилия, чтобы поддержать вконец упавших духом девушек. Самые смешные анекдоты (правда, большинство из них были пошловатыми, но выбирать не приходилось) были давно рассказаны, настала очередь не очень смешных, а когда закончились и они, наступила очередь откровенно тупых (хотя, между прочим, как раз тупые анекдоты забавляли его больше всего. Ну к примеру: «Взвесьте мне килограмм молока! И нарежьте!» – «Вам дольками или кубиками?» – «А мне по фигу, я на велосипеде»).

Яна с Ланой, вымученно поулыбавшись для приличия, снова впали в уныние. Больше всего тяготила темнота и непрекращающийся снегопад – их «космические корабли» были завалены почти наполовину и теперь стали похожи на двух сгорбленных чудовищ. С костром тоже ничего не вышло: найти сухого хвороста под сугробами оказалось непосильной задачей, а те ветки, которые Антону удалось отломать от деревьев, были насквозь промерзшие и ни в какую не хотели гореть.

Яна испуганно оглядывалась, крутя во все стороны головой и рискуя вывихнуть шею, Лана подавленно молчала, прислушиваясь к малейшему шороху.

– Что мы будем делать, если Тима не вернется? – вдруг спросила она, и Антон принужденно засмеялся:

– То есть как это «не вернется»? Куда он денется?

– Заблудится или замерзнет.

Это было произнесено с таким обреченным спокойствием, что Антона передернуло. В самом деле, никто из них не был суперменом, и Тима не исключение. Вдруг у него свело судорогой ногу или еще что-то в этом роде? А они будут тут торчать и очень скоро сами превратятся в три сугроба...

– Может, все-таки включишь свет? – завела старую пластинку Яна. – Или попробуешь снегоход завести?

Антон уже хотел сказать, что даже если «Бураны» каким-то чудом удастся завести, уехать на них они едва ли сумеют, как неожиданно в глубине чащи мелькнул огонек и послышался крик. Антон встрепенулся. Тима!

– Мы тут!! – заорал он. Утопая в снегу, он стал пробираться вперед. Спустя какое-то время юноша разглядел среди деревьев темный силуэт.

– Тимыч!

– Ага. Он самый.

В двух словах Тима рассказал приятелю о заброшенной сторожке.

– В общем, других вариантов нет. Как и дороги – там все замело снегом, – сказал в завершение Тима. – Переночуем в доме, а утром видно будет. Может, внутри что-нибудь полезное найдем.

Антон был согласен на все и почти не слушал друга – достаточно было услышать магически-успокаивающее слово «дом», пусть это хоть сгнившая собачья конура, а все остальное фиолетово.

Однако их изумлению не было предела, когда, вместо того чтобы прыгать от счастья и осыпать поцелуями Тиму, девчонки неожиданно заартачились, причем особой противницей идти в дом оказалась Яна.

– То есть как это – «не пойду?» – злился Антон. – У тебя что, мозги тоже замерзли?!

– Если мы сойдем с тропы, нас будет труднее отыскать, – стояла на своем девушка, и Антон закричал:

– Какая тропа, Яна! Дай бог, чтобы мы вообще туда добрались, посмотри, как все занесло!..

– Я боюсь идти в незнакомый дом, – упрямо повторила Яна.

– Послушай, – терпеливо начал Тима, стуча зубами от холода. Его тоже охватывало раздражение на девчонок: похоже, они совершенно не имеют представления, насколько серьезно их положение. – Мы не можем больше находиться здесь, понимаешь? Уже ночь, и вряд ли сейчас нас смогут найти. Мы не можем рисковать, все замерзли. Лана, может, объяснишь своей любимой подруге?

– Все, надоело, – вмешался Антон. Он едва сдерживал себя. – Если хотите, оставайтесь здесь и ждите своих спасателей. А мы с Тимычем пойдем в дом.

– Пойдите, – испуганно залепетала Яна, видя, что ребята действительно собираются идти и оставить их тут, прямо в снегу. – Я...

– Мы идем, – сказала за нее Лана. Яна бросила на подругу затравленный взгляд и опустила голову.

– Тогда за мной, – отрывисто проговорил Тима и зашагал вперед, освещая впереди свои следы. Антон, пропустив вперед девушек, замыкал шествие.

Дорога к дому заняла куда больше времени, чем предполагал Тима, хотя они и спешили изо всех сил. В какое-то ужасное мгновение ему в голову даже закралась мысль, что он снова свернул куда-то не в ту сторону, и уже в тот момент, когда он был готов признать это, луч неожиданно уперся в поблескивающие изморозью черные стены избушки.

– Тоже мне, дом, – полупрезрительно сказала Лана. – Курятник какой-то...

– Какой есть, – ответил Тима. Ему стало обидно – он шел за помощью, не зная дороги, нашел эту избу, спешил к ним обратно, а тут на тебе, курятник. Пусть хоть за курятник скажут спасибо.

– За неимением прачки будем трахать дворника, – с философским видом изрек Антон, взглядываясь в окно. Так ничего и не разглядев, он повернулся к девушкам.

– К-какого дворника? – дрожа от холода, спросила Яна.

– Какого-какого... Ефима Петровича, – ответил Антон и, видя, что Яна уже не в состоянии реагировать на его юмор, буркнул: – Это поговорка. Типа, шутка.

– Помоги мне, – крикнул Тима, пытаясь отворить дверь. Она поддавалась, но уж с очень большой неохотой, словно все еще раздумывая, стоит ли впускать внутрь этих странных замерзших путников.

После того как Антон пришел к нему на помощь, дверь наконец яростно скрипнула и отодвинулась ровно настолько, чтобы в получившееся отверстие можно было протиснуть тело.

– Есть кто внутри? – крикнул Тима, хотя и так было очевидно – дом был пуст.

Причем пуст очень давно, – внезапно подумалось ему.

– Почему здесь тоже холодно? – захныкала Яна. – Я скоро и вправду превращусь в сосульку!

– А ты что, думала, тут сауна? Дом давно не топили, – произнес Антон. На всякий случай он пошарил рукой по стене в поисках выключателя, но тщетно.

– Брось, откуда в тайге электричество, – сказал Тима. – В лучшем случае какой-нибудь допотопный генератор... Ладно, закрой поплотнее дверь, чтобы холод не шел.

Он осветил фонарем, изучая интерьер избы. Из крошечных сеней они прошли дальше и быстро обследовали дом, хотя обследовать особенно было нечего – две комнаты и нечто отдаленно напоминающее кухню. Причем об этом говорило не наличие плиты или холодильника, а сваленная в углу посуда: мятая жестяная миска, пара кружек, гнутая вилка и ржавый таз с куском грязного льда на дне.

Комнаты была немногим больше «кухни», зато выглядели почище. Из мебели в одной из них была лишь грубо сколоченная массивная кровать, заваленная старыми одеялами и тряпками. Во втором помещении находились печка, старая тахта, маленький разошедшийся стол, несколько кривоногих табуретов и небольшой комод. Освещая пространство комнаты, Тима радостно воскликнул: за комодом высилась аккуратно сложенная пирамида дров. Если с печкой все в порядке, то скоро они согреются.

– Тоха, возьми с кровати тряпки и заткни щели в двери. А я попытаюсь растопить печку, – распорядился Тима, начиная перетаскивать дрова. Тут же оказался и топор, прислоненный к стенке.

Антон, вздохнув, с выражением «раскомандовались тут» занялся дверью, а Тима начал колдовать над печкой. Его предположение о том, что дом давно пустует, подтвердилось – в печке почти не было золы и все опутано паутиной.

Он наколот тонких лучинок, соорудил нечто вроде «шалашика» и достал зажигалку.

– Молитесь, женщины, – с серьезным видом сказал он и, крутанув колесико, поднес дрожащий огонек к «шалашу». Пламя сначала нехотя лизнуло сложенные щепки, постепенно разгораясь, и Тима торопливо подкинул пару крупных поленьев. Через несколько минут огонь весело потрескивал, с жадностью обглаживая свой древесный ужин.

При виде оживающей печки девушки заметно повеселели, во всяком случае, Яна перестала ежеминутно вздрагивать и прислушиваться к малейшим шорохам (очевидно, ее все еще не покидала надежда услышать звук снегоходов разыскивающих их).

– Вроде все, – отдуваясь, доложил Антон, вернувшись в комнату. – Дует совсем чуть-чуть, но уже намного лучше.

– А когда станет совсем тепло? – Яна осторожно уселась на табурет и посмотрела на свои ноги. – У меня все ботинки промокли.

Тима помог ей снять влажную обувь и подвинул табурет ближе к печке.

– Скоро согреемся, – сказал он.

Антон тем временем взял фонарь и повторно осмотрел жилище. На так называемой кухне он обнаружил крошечный встроенный шкафчик, ржавые петли которого были перехвачены медной проволокой. Не долго думая, он размотал ее и открыл дверцы. Посветив внутрь фонарем, он радостно присвистнул: все полки были уставлены всевозможной утварью; там была керосинка, две запечатанные бутылки (очевидно, с керосином), моток суровых ниток, несколько коробков спичек, пять или шесть свечей, перетянутые резинкой, пара банок консервов, большая связка сушеных грибов, банка с какой-то крупой, мешок с сухофруктами... Он выгреб все это наружу и снова присвистнул: в самом углу тускло блеснула огромная бутылка с классическим длинным горлышком. Антон приподнял ее – она была приятно тяжелой, внутри бултыхалась какая-то мутноватая жидкость. Горлышко плотно замотано серой тряпицей. Вытаскивая бутылку из недр шкафа, Антон уже не сомневался, что это самогон.

Когда он вернулся в комнату и вывалил все это добро на стол, у девчонок глаза полезли на лоб.

– Ты в своем уме, Антон? – наконец спросила Лана. – Знаешь, как это называется? Воровство, вот как!

– Ой, нашлась праведница, – отмахнулся тот с присущим ему хладнокровием, когда речь заходила о еде. Он разложил на столе консервы. – Интересно, они съедобны?

– Ты хоть срок хранения посмотри, – посоветовал Тима, раздувая пламя. Он боялся сгладить, но вроде печка работала исправно. Уже одной проблемой меньше.

Антон посветил фонарем на банку, приблизил ее к глазам почти вплотную, словно пытаясь разглядеть под железом ее содержимое. Удивленно прищелкнул языком.

– Или у меня уже глюки от всех наших приключений, или я стал плохо видеть. Тут написано: «Срок годности до 01.01.78».

Он взял другую банку, около минуты вертел ее в руках с озабоченностью опытного коллекционера, рассматривающего редкую монету, затем поднял глаза на ребят:

– Такая же хрень. Тут, по ходу, какой-то Плюшкин жил, всякий хлам собирал.

Тима ничего не ответил. Отрегулировав заслонку на печке, он помог Яне снять размокшие ботинки. Носки девушки тоже были мокрые, и он потянулся к рюкзаку – как хорошо, что он догадался взять с собой запасные!

– Переодевай.

Яна благодарно улыбнулась и стала стягивать носки.

Лана, видя, что Антон полез в мешок с сухофруктами, недовольно сказала:

– Антон, это неприлично. А если вернется хозяин?

Антон засмеялся. Выудил из мешка сморщенную дольку яблока темно-коричневого цвета, с подозрением оглядел и понюхал. Затем откусил кусочек, пожевал.

– Дорогуша, проснись и пой. Ты что, не поняла, что этот дом пустует как минимум лет десять? А то и все двадцать?

– Странно, – задумчиво сказала Лана. – Мой дядя с лесниками тут все исходил, брошенных сторожек не должно быть.

– Какая теперь разница, – беспечно отозвался Антон, откладывая сухофрукты в сторону – по крайней мере, с ними все в порядке. Теперь его взгляд упал на бутылку, скромно стоящую в сторонке, и глаза его блеснули.

– Господа, кто желает отведать местного виски? – галантно произнес он, роясь в карманах в поисках перочинного ножа.

– Только не говори, что собираешься попробовать это пойло, – морща носик, проговорила Яна, но Антон невозмутимо ответил:

– А почему бы и нет? Это не консервы, в конце концов, тут и портиться нечему...

Он нашел нож и ловко срезал тряпочку, закрывавшую горлышко.

– Тима, скажи ему, – Лана перевела взгляд на Тимофея.

Тот пожал плечами:

– Что я, нянька ему? Хочет, пусть пьет. А что дом действительно заброшен, я тоже уверен, и никто сюда не придет.

Увидев, как вытянулись лица девушек, Тима поправился:

– Я имею в виду хозяев дома. А вот наши дорогие друзья вполне могут увидеть свет в окне и найдут нас.

Видя, что выражения лиц сокурсниц не очень-то изменились, он понял, что последняя фраза прозвучала несколько фальшиво.

Антон к тому времени уже окончательно освоился и почти не слушал разговора сокурсников. Открыв бутылку, он осторожно наклонился к горлышку и вдохнул.

– Класс, – похвалил он, оглядываясь.

– Что, кружку ищешь? – язвительно спросила Яна, но Антон не смутился. Он достал опустошенную фляжку Тимы и стал аккуратно переливать в нее самогон.

– Может, еще раз попробуем позвонить? – с надеждой спросила Яна. Она сидела прямо у печки, вытянув вперед ноги в теплых носках.

Лана достала телефон, взглянула на экран и молча покачала головой.

– Прямо как в этих ужастиках, – пробормотала Яна, не отрывая взгляда от выскакивающих искр. – Ни связи, ни снегоходов, ни еды, вообще ни фиги...

– Как это ни фиги? – «обиделся» Антон, делая жест рукой, мол, посмотри, сколько всего на столе, а ты нос воротить. – Ешь, называется, не хочу. Икра красная, икра баклажанная заморская... Хочешь, грибов сварим? – предложил он, взбалтывая фляжку с перелитым самогом.

– Нет уж, – сказала Лана с отвращением. – Они наверняка червивые.

– Еще лучше. Будет жульен с мясом.

– Антон, хватит, – не выдержала Яна.

– Ну и ладно, – не стал настаивать Антон.

Он сделал маленький глоток. Глаза его на мгновение прикрылись, затем он картинно выдохнул.

– Полный отпад, Тимыч! В жизни такого не пробовал. Хочешь?

Тима с недоверием посмотрел на мутную бутылку, затем понюхал из горлышка.

– Не траванемся?

– Да ладно, не бзди.

После минутной борьбы с самим собой Тима все же взял у Антона фляжку и сделал несколько глотков. В горле моментально запершило, самогон был куда крепче обычной водки. Зато через мгновение по желудку разлилось приятное тепло, и на душе стало немного спокойней.

– Вроде нормально, – сказал он, вытирая губы.

Его взгляд упал на Яну – она все еще куталась в куртку, продолжая держать ноги у печки.

– Тебе, кстати, тоже это необходимо.

– Ну уж нет, – фыркнула девушка. – Может, они в эту бутылку мочились.

– Ага, и плевали, и сморкались, – подхватил Антон. Щеки его покраснелись, и настроение заметно улучшилось. – Не грузи, Яна. Тимыч дело говорит, быстрее согреешься.

– Ладно, только чуть-чуть, – неожиданно согласилась Яна, и Тима протянул ей фляжку.

Пока она с подозрением принюхивалась, Тима произнес загробным голосом:

– А весной, когда сойдет снег, в заброшенной избушке обнаружат четыре трупа, и вскрытие покажет, что причиной смерти стал некачественный алкоголь...

Услышав это, Яна поперхнулась.

– Не четыре, а три, – возразила Лана, сочувственно наблюдая за подругой. – Я, например, эту дрянь пить не собираюсь.

– Ну как? – поинтересовался Антон у Яны. – По ногам текло, а в рот не попало?

– Горло жжет, – пожаловалась она. – А так – ничего, почти как виски. Только пахнет какими-то ягодами...

Тима подкинул еще дров и спросил у Антона:

– Тоха, там еще осталось что-нибудь полезное? Ну в шкафу?

– Ща посмотрю.

– Заодно погляди, есть ли на кровати одеяло почище.

Антон взял фонарь и вышел из комнаты. Быстро обследовал шкаф, но ничего ценного там уже не было, и он переключился на кровать. Среди двух проеденных молью одеял и ветхих тряпок, от которых сильно тянуло плесенью, был более-менее приличный плед. Антон встряхнул его и, решив, что им вполне можно укрыться, направился к выходу. Неожиданно его левая

нога зацепилась за что-то, и он, споткнувшись, чуть не грохнулся на пол. Выругавшись, юноша посветил фонарем. Прямо перед ним на полу располагалась дверца, очевидно, ведущая в подвал. В качестве ручки служил согнутый буквой «Г» штырь, о который Антон и споткнулся.

Присмотревшись повнимательнее, Антон подумал, что эта дверца даже больше смахивает на крышку люка. Уж очень необычная у нее форма.

Он присел на корточки, ухватился за штырь, потянул на себя. Раздался противный скрип, как если бы по стеклу скребли гвоздем, и люк неохотно приоткрылся. Он был на удивление тяжелым, в два слоя толстых, потемневших от времени досок. Прикидывая, зачем хозяину понадобилось конструировать такой массивный вход в подвал, Антон с большим трудом откинул люк и посветил внутрь. На него влажно дохнуло пещерным смрадом – даже несмотря на мороз, запах был тяжелым и затхлым. Стали видны ступеньки, ведущие в погреб – темные, громадные, с полустертыми краями. Луч фонаря осветил какие-то ящики, коробки, сваленные в кучу доски. Секунду Антон колебался – не спуститься ли вниз? Может, там настоящие запасы еды, не то что эти напоминающие козьи какашки сухофрукты и пара несчастных банок просроченной тушенки. Однако, уже спустив ноги вниз, он передумал. Ну его на фиг, все же одному страшновато. А вдруг там мертвый хозяин? Поросший мхом скелет в лохмотьях одежды? Антона передернуло.

– Тимыч! – крикнул он.

– Что там еще? – недовольно поинтересовался Тима.

– Иди сюда!

Антон снова посветил вниз.

– Смотри, чего я нашел.

– Никогда погреба не видел? – спросил Тима, опускаясь рядом с Антоном на корточки. Он взглянул на темнеющие ступеньки и замолчал. Тиме почему-то вспомнились заброшенные штольни, о которых ходят нехорошие слухи. Он с сомнением поглядел на массивную дверцу. Антон перехватил его взгляд и истолковал его по-своему:

– Я, Тимыч, тоже не врублюсь – на фига они такую толстую дверь поставили.

Но Тима его не слушал, присев на корточки, он сантиметр за сантиметром осветил всю дверцу. Но Антон уже и сам увидел. Как он мог не заметить это в первый раз!

– Как ты думаешь, для чего это сделано? – спокойно спросил Тима.

– Понятия не имею, – растерянно ответил Антон.

С внутренней стороны дверцы, на которой болтались серые клочья паутины с трупиками мух, были прикреплены крепкие металлические петли, до которых еще не успела добраться ржавчина.

– Я не удивлюсь, если где-то внизу замок, который предназначен для этой дверки, – проговорил Тима, и Антон нервно хихикнул. На самом деле ему стало если не страшно, но уж, во всяком случае, не по себе.

Они посмотрели друг на друга.

– Полезем? – спросил Тима.

Антон облилизал губы.

– Э-э... – протянул он и снова покосился вниз. – Че там делать? Только о хлам ноги перебеешь. Да и холодно там, – попыток он, и прозвучало это полувопросом-полуутверждением. Тима чуть улыбнулся.

– Согласен.

Они закрыли дверцу и вернулись в комнату.

Лана принесла из кухни кружки и поставила в них по зажженной свече. Тима стал возиться с керосинкой.

– Жрать охота, – сказал Антон, доставая из мешка горсть сухофруктов. Некоторые из них были настолько твердыми, что хрустели на зубах, как сухари.

– Придется потерпеть, – сказал Тима. Он заполнил резервуар лампы керосином и урегулировал уровень. Через пару минут лампа зажглась, и в комнате стало совсем светло.

– Может, потом вниз слазим? – рассеянно спросил Антон. Он затруднялся объяснить причину, по которой не захотел спускаться в подвал, и подавлял в себе мысль, что просто-напросто испугался лезть в ту мрачную дыру, из которой тянуло могильным холодом, но сейчас, в уютной и светлой комнате, он совершенно успокоился, да и чувство голода постепенно вытесняло страх.

– Ну как, согрелась? – спросил Антон у Яны, которая не отрывала взгляда от печки, где сухо потрескивали дрова. Та вздрогнула, будто от сильного толчка в бок.

– А? Да-да, нормально. Я вот только все думаю... Найдут ли нас ребята? И что мы будем делать, если снегопад не утихнет?

– Ну на этот счет можешь не переживать, – успокоил ее Тима. – Он почти закончился, я смотрел в окно.

– Все равно. – Яна, казалось, была абсолютно уверена, что в этом мире все настроилось против их маленькой компании. – Нам завтра вылетать, а мы здесь...

– Послушай, прекрати, – резко сказал Антон, устав от нытья девушки. Не зная, чем себя занять, он потянулся к фляжке. – Все будет нормально, и завтра мы все улетим домой. И вообще, не думал я, что ты такая пессимистка. Ты же хотела уединения с природой? На, получай на блюдечке.

– Оптимист нашелся, – проворчала Яна.

– Да, я оптимист, – не стал отрицать Антон. – Я даже на кладбище вместо крестов плюсы вижу.

– Только от твоих крестов, или, как ты выразился, плюсов никакого толку, – подала голос до сих пор молчавшая Лана. – Если бы мы в первый раз свернули налево...

– Так, замяли, – быстро проговорил Тима, чувствуя, что назревает ссора.

Антон недовольно покосился на свою подругу и сделал еще один глоток из фляжки. Когда он стал завинчивать колпачок, Яна неожиданно протянула руку:

– Дай сюда.

Антон усмехнулся:

– Ага, понравилось? Только имей в виду, дорогуша, особо не налегай. Тем более это, как его... женский алкоголизм неизлечим, медициной доказано.

– Отвали, – огрызнулась Яна.

Некоторое время молодые люди сидели в молчании, лишь в печке вспыхивали и трещали поленья. Тима внутренне радовался, что запас дров достаточно велик – во всяком случае, его должно хватить на ночь, чтобы они не замерзли.

– Ну че заскучали? Рассказали бы что-нибудь, – сказал Антон.

Он сжевал почти все сухофрукты и теперь переводил взгляд с консервов на пакет с грибами, размышляя, какой из этих продуктов окажется наименее опасным для его желудка, над которым он и так уже без устали экспериментирует. Хорошо, если просто пронесет, от поноса еще никто не умирал, но может быть кое-что и похуже...

Тима, обратив внимание, с каким вождением поглядывает Антон на банки, сказал:

– Я на твоём месте ограничился бы фруктами и самогоном.

Антон хотел что-то возразить, но промолчал. Мысли его снова вернулись к подвалу. Нет, не может быть, чтобы в нем стояли только дурацкие ящики! Антон истово верил, что в любом маломальском погребе (он это даже в детстве читал) обязательно хранится всякая всячина – картошка, банки с солеными огурцами, квашеная капуста, компоты, молоко... Впрочем, нет, учитывая год выпуска тушенки, молоко давно бы скисло, а картошка бы сгнила. Тем не менее при мысли о жареной картошке – горячей, с хрустящей корочкой, слегка присыпанной укро-

пом, – у него рот моментально заполнился слюной, и Антон даже прикрыл глаза на мгновение: таким вкусным оказался образ, нарисованный его измученным голодом воображением.

Между тем фляжка была наполнена заново.

– Скучно с вами, – снова сказал Антон. – Тимыч, может, прогрузишь что-нибудь? Ты же любишь разные истории рассказывать.

– Какие истории? – немного оживилась Яна. Щеки ее стали алыми, как спелые яблоки, и Тима гадал, то ли это потому, что она наконец согрелась, то ли это следствие самогона.

– Разные, – уклонился от прямого ответа Тима, но Антон засмеялся:

– Ладно, не скромничай. Делать-то все равно нечего, так хоть послушаем байку какую-нибудь... ты же говорил, что всяких маньяков изучаешь?

– Маньяков? – переспросила Лана. – Еще чего не хватало, на ночь глядя слушать про маньяков. Да еще в этом доме...

Ночь давно уже наступила, родная, – хотел сказать Тима, но прикусил язык. Незачем, они и так напуганы дальше некуда.

– Ну, Тимыч, давай, че ты как целка ломаешься, – не отставал уже порядком захмелевший Антон. – А потом я... расскажу про одного людоеда, и сравним, чей прогон круче.

– Может, не стоит? – спросил Тима, хотя было заметно, что он задет предложением друга, как будто кто-то мог усомниться, чей рассказ окажется интересней.

Наконец он сдался:

– Ну и про кого бы ты хотел услышать? Чарльз Мэнсон? Андрей Чикатило? Джек Потрошитель?

По мере перечисления имен самых кровавых садистов в истории человечества лица девушек вытягивались. Антон же просто сделал нетерпеливый жест рукой:

– Не, все слышали, ты сам и рассказывал... Че-нибудь новое есть?

Тима ненадолго задумался.

– Вы что-нибудь слышали про Анатолия Нагиева? – спросил он после паузы.

Все замотали головами, а Антон, посмеиваясь, поинтересовался, не родственник ли это того самого Нагиева, который ведет передачу «Окна».

– Нет, не тот, – ответил Тима. Он уже оседлал своего любимого конька, и подобные уколы его не трогали. – Наверное, в полном смысле слова маньяком его назвать, конечно, можно, хотя ему и далеко до Чикатило... Тут другое интересно. Он охотился за Аллой Пугачевой. Да-да, Тоха, можешь не ухмыляться. И если бы не одна счастливая случайность, возможно, звезда нашей эстрады Алла Борисовна погасла бы, так толком и не разгоревшись.

Как ни парадоксально, но лица Яны и Ланы стали менее напряженными. Возможно, имя российской примадонны подействовало на них успокаивающе – ведь Пугачева априори не может никоим образом ассоциироваться с чем-то страшным и ужасным, не так ли?

– В семнадцать лет Нагиев сел за изнасилование, получил свои шесть лет и отправился трубить на зону в Коми АССР, – продолжал Тима ровным голосом. – Выбор фонотеки в радиорубке тогда был сами знаете какой, но была одна затертая до дыр кассета с Пугачевой. Ее крутили по несколько раз в день. И так все шесть лет. После, когда его судили, он признался сыщикам, что во всем виноват голос Аллы Борисовны. И он поклялся ее убить.

И вот Нагиев на свободе. По крупицам он собирал любую информацию, которая касалась Пугачевой, потратив на это массу времени и сил. И однажды он выследил Аллу прямо возле ее собственного дома. Можно сказать, что Пугачиху спасла консьержка – Алла как раз возвращалась с очередного концерта и вошла в подъезд. За ней прошмыгнул и Нагиев. К этому времени открылись двери лифта, и консьержка, старенькая бабулька, тут же обратила внимание на Нагиева, спросив, к кому тот направляется. Тот развернулся, чтобы ответить, а лифт с Пугачихой уехал. Консьержка потом рассказывала, что зрачки у этого парня были как чертово колесо – крутились в разные стороны. Однако шанс был упущен, хотя он и был так близко к

своей цели. Следующее преступление он совершил в поезде, по дороге в Харьков. Всего за одну поездку он изнасиловал и убил двух проводниц и двух пассажиров! Трупы скидывал прямо на ходу. А попался по глупости – сдал в ломбард кольцо одной из своих жертв.

Тима замолк, оглядев друзей. Девушки были спокойны, все-таки тепло и крыша над головой сделали свое дело; Антон изобразил рукой в воздухе нечто «не тяни резину, продолжай!».

– Следствие смогло доказать только эти преступления, хотя сыщики утверждали, что преступлений с подобным почерком было около сорока. В каждой из своих жертв Нагиев видел нашу несравненную Пугачеву. Его приговорили к расстрелу – все-таки 80-й год... Потом, при этапировании, он совершил побег, прыгнув в наручниках прямо под идущий состав, с помощью гвоздя освободился от наручников и исчез. Его искали около месяца и обнаружили совершенно случайно в глухой деревне вблизи Новочеркаска. Причем поймать его опять помог случай – прочесывая местность, менты спросили у жителей, не появлялся ли кто здесь посторонний. И один мужик вспомнил, что на опушке леса часто видел какого-то мужчину, а ночью там горел костер. Туда моментально направили кинологов с собаками и группу задержания. Нагиева взяли в стоге сена.

– И что потом? – спросил Антон.

– Как что? Его расстреляли, – сказал Тима снисходительно.

– Нет, про Чикатило ты лучше рассказывал, – решительно сказал Антон, которому, судя по всему, рассказ пришелся не совсем по вкусу.

Тима, решив, что «оригинальную» тему пора бы уже закрыть, делал ему знаки, но Антон не обращал на него внимания.

– Вот я сейчас расскажу... Недавно писали в «Мире криминала»... Один мужик сошел с ума и зарезал свою жену. Распилил ее пополам, из верхней части нажарил котлет, башку сунул в морозилку. А нижнюю часть положил в кровать и... ну, короче, две недели занимался с ней трахом. Вот так. А когда его посадили, на зоне ему дали кликуху Ням-Ням, – чуть ли не с гордостью закончил Антон, словно ему самому довелось мотать срок с этим Ням-Нямом.

– И на сегодня наша передача подошла к концу, – вмешался Тима, чувствуя, как снова, будто по команде, меняются лица девушек, словно пресловутый Ням-Ням сейчас вылезет из-под кровати.

– Что, страшно? – загробным голосом спросил Антон, и Лана натянуто улыбнулась:

– Нет, просто... вспомнила, как вчера мой дядя кое-что сказал мне.

– Что же? – улыбаясь, задал вопрос Антон, и Лана посмотрела на него в упор:

– Неделю назад один псих разрезал местного охотника бензопилой. На куски, как куриное филе.

– Ну и что дальше?

– Его поймала милиция, но ему удалось сбежать. И сейчас он в тайге, его до сих пор не нашли, – вздохнув, проговорила Лана.

Увидев, что улыбка сползла с лица Антона, она криво усмехнулась:

– Извините, если я подпортила вам настроение. Но я думаю, вы должны знать это.

– Да уж, – угрюмо сказал Антон и с тревогой посмотрел на дверь. Как ни странно, Яна не особенно отреагировала на слова подруги, не сводя глаз с печки.

– Он давно бы замерз за это время, – произнес Тима, с удивлением обнаружив, что фраза прозвучала так, будто бы он успокаивает самого себя, а не ребят. – Лучше расскажи про сияние.

– Какое еще сияние? – удивился Антон.

– Дядя говорит, что это место особенное, – сказала Лана. – И периодически, примерно раз в тридцать лет, здесь можно наблюдать настоящее северное сияние. Этот феномен сопровождается разными необъяснимыми вещами... Вот, например, этот странный дом.

– Ерунда, – презрительно отозвался Антон. – Дом как дом. А по поводу сияния я тебе так скажу. Оно бывает где? Правильно, на Северном полюсе или в Антарктиде какой-нибудь. А тут тайга.

Тима пожал плечами.

– А я верю своим глазам, – неожиданно сказал он. – И если увижу здесь что-то необычное, то поверю.

– Ты еще скажи, что поверишь в лешего и водяного.

– Покажи мне их. Если увижу – поверю, отчего нет? – возразил Тима.

– И чокнешься, – подхватил Антон, подложив еще немного дров.

– Нет, Тоха. Мне легче будет привыкнуть к мысли, что это на самом деле. А чокнешься как раз ты – твой мозг будет не готов к такому стрессу.

Антон насупился и ничего не ответил.

Вскоре дом уже достаточно хорошо прогрелся, и молодежь сняла куртки. Окна тоже оттаивали, и на подоконниках постепенно образовались лужицы, в которых отражался свет керосинки и горящих свечей.

– Может, поспите немного? – сказал Тима, увидев, что девчонки начали клевать носом, особенно Лана. Та что-то сонно пробормотала, устраиваясь поудобнее.

Яна же продолжала стойчески бороться со сном, глуповато таращась по сторонам. Самогон сделал свое дело, девушка была пьяна. Хотя, отметил про себя Тима, в этом есть и положительный момент – она заметно успокоилась и больше не затрагивала щекотливую тему их туманного будущего.

– Давай тоже ложись, – предложил Тима Антону.

– А ты?

– А я пока не хочу. Тем более надо кому-то за печкой смотреть.

Антон вздохнул и тоскливо посмотрел в уже окончательно очистившееся окно. Снегопад закончился, и в лесу воцарилась полная тишина.

– Как ты думаешь, они прекратили поиски? – вполголоса спросил он Тиму, так, чтобы не услышала Яна.

Тот лишь пожал плечами:

– В любом случае до рассвета мы здесь. А вот с утра придется попотеть – не факт, что наши тарантасы заведутся, так что, боюсь, все же придется выбирать на своих двоих.

– И жрать больше нечего, – мрачно заметил Антон, вытряхивая мешок из-под сухофруктов. Оттуда посыпалась пыль, на мгновение образовав облачко с кисловатым запахом.

– Ты еще не наелся? – усмехнувшись, спросил Тима.

– Наешься с вами, – пробурчал Антон. К слову, желудок у него тоже отчаянно бурчал, мол, ну как же так, еще вчера ему преподносили жареное мясо, а сегодня он должен довольствоваться какими-то объедками. И вообще, этот перманентный голод уже начинал его беспокоить, раньше такого не было. Может, у него завелся солитер, хе-хе... очень смешная шутка, учитывая, что сейчас он в одиночку умял почти целый мешок сушеных яблок и груш, черт-те сколько провалявшихся и неизвестно откуда собранных... Может, все-таки рискнуть и вскрыть тушенку? Прислушиваясь к унылой музыке внутри живота, он снова вспомнил о подвале.

– Слушай, Тимыч, давай все-таки вниз слетаем, может, чего интересного найдем.

– Ты что, надеешься найти там сало? Или баранью ногу?

– Нет... так, просто, – Антон покраснел, увидев, что Тима без труда угадал истинную причину его желания обследовать погреб. – Все равно просто так сидим, ага?

Тима бросил взгляд на посапывающих девушек. Какое-то время он раздумывал над словами друга – с одной стороны, лезть в холодный подвал было неохота, с другой стороны, делать и правда было нечего, и в конце концов, победило второе.

– Хорошо, – согласился он. – Только куртки захватим. Кто первый? Ладно, я полезу, – сказал покровительственно Тима, видя, что Антон тушует.

Ребята взяли также фонарь, кружку со свечой и направились в комнату, где час назад споткнулся Антон.

– Антон! – вдруг позвала его Лана, и тот недовольно обернулся:

– Чего еще? Спи давай!

– Я хочу в туалет.

Юноша изобразил удивление на лице.

– А я здесь при чем?

– Ни фиги себе, «при чем», – хмуро проговорила Лана. – В доме же нет туалета?

– Конечно, есть, ты просто не заметила его, здесь ведь столько комнат... На втором этаже, рядом с джакузи. Лана, не придуривайся. Какой может быть сортир в этой конуре? Тут как в анекдоте про чукчу – санузел в тундре совместный. А тундра на улице.

– Проводи меня, – попросила девушка, совсем растерявшись. Очевидно, она представила себе, как будет справлять естественные надобности в этом мрачном лесу, тем более ночью.

Антон с огромной неохотой поднялся с места.

– Пошли, только быстрее. Тимыч, подожди меня.

Они вышли, и в доме наступила полнейшая тишина. Но почему-то эта тишина не успокаивала, она давила, это было равносильно нахождению под водой на огромной глубине, когда в висках стучит от перенапряжения, а глаза вылезают из орбит, и ты понимаешь, что еще немного – и твоя черепная коробка сплющится, как фольга.

Тима присел над дверцей и потянул ее на себя. Тщетно. Он засопел, поудобнее ухватился за штырь и что было силы дернул. Никакого результата, дверцу словно намертво приколотили гвоздями. Он предпринял еще одну попытку, чуть не ободрав пальцы об штырь, и вдруг услышал, как внизу что-то звякнуло. Тима медленно поднялся на ноги, не отрывая глаз от погреба. Сомнений не было – дверца была заперта. На замок.

Он осторожно наступил на дверцу, и под его весом скрипнула доска. Неожиданно снизу послышался долгий вздох. Тима почувствовал, как затылок обдало жаром, словно кипятком плеснули. Фонарь прыгал в его дрожащей руке как живой, рисуя на стенах желтые зигзаги. Набрав побольше воздуха в легкие, он немного наклонился и хрипло крикнул:

– Есть тут кто-нибудь?

Конечно, есть, идиот, – мелькнула у него мысль. – *Кто-то ведь заперся изнутри.*

Он прислушивался, затаив дыхание. Ничего, все тихо, только бешеный стук собственного сердца. Затем выпустил воздух сквозь сжатые зубы и бесшумно сошел с люка. Тима лихорадочно думал. Что это, галлюцинации? Ведь час назад они открывали дверцу в подвал, и там никого не было!

Но вы же не спускались вниз, – резонно возразил ему внутренний голос, и Тима не мог с этим не согласиться. Вдруг он услышал звук, от которого у него зашевелились волосы. Бряцанье. Похоже, тот, кто там закрылся изнутри, передумал сидеть в одиночестве и решил поближе познакомиться с непрошеными гостями. По спине побежал горячий ручеек пота. Металлическое бряцанье прекратилось, и теперь крышка подвала начала медленно приоткрываться. Тима торопливо встал на нее, про себя жалея, что весит не так много, как сейчас того требовали обстоятельства.

Под ногами мягко спружинило, и крышка неохотно опустилась на место. Внизу кто-то дышал, тяжело и с надрывом. Затем дверцу толкнули – несильно, словно проверяя Тимины возможности.

Антон с Ланой вышли из дома, закрыв за собой дверь.

– Ну давай, что ли, – грубовато сказал Антон, с нетерпением переминаясь с ноги на ногу.

– Как, прямо так, в сугроб? – растерянно спросила Лана, оглядываясь.

– Лана, не парь мне мозги, – разозлился Антон. – Что ты предлагаешь? Чтобы я тебя на руки взял?!

Лана фыркнула, и ее взгляд упал на растущую неподалеку елочку. Переваливаясь по-утиному, она направилась к ней.

– Давай быстрее, – крикнул ей вдогонку Антон, согревая руки дыханием. Что за геморрой с этими девчонками! Туалет ей, видишь ли, подавайте. Еще бы джакузи заказала и шампанское в ведерке со льдом... Нет, все-таки мужиком быть куда удобнее. Не надо постоянно мазать кремами морду, менять трусы дважды в день, критические дни опять же, и так далее.

Он посмотрел вверх и замер, непроизвольно пригнувшись. Небо, угольно-черное, висело прямо над ним в двух-трех метрах, огромное, как безбрежный океан, и густое, как застывающий сироп. Казалось, протяни руку, и можно ухватиться за знакомый «ковш» Медведицы, звезды алмазами сверкали и переливались, словно подсвечиваясь удивительными софитами. Но не это изумило юношу. Сквозь бархатистую черноту таежного неба постепенно просвечивался четкий контур радуги! Да-да, самая настоящая радуга, только цвета на ней были неестественно яркими, даже ярче, чем обычно, будто ее разрисовывали гуашью. Антону показалось, что у него начались галлюцинации. Пока он гадал, чем вызвано это видение, – самогоном или еще чем, радуга неожиданно взорвалась, словно залп конфетти из хлопушки, разлетевшись на мельчайшие переливающиеся молекулы.

– Антон, что там происходит? – раздался взволнованный голос Ланы.

Антон зажмурился, ожидая, что сейчас развернется небо и оттуда вылетит огненная молния, поразив его за все совершенные грехи. Когда он все же отважился приоткрыть глаза, калейдоскоп фантастических красок медленно расплывался по начинающему светлеть небу, мерцая и вспыхивая разноцветными огнями. Зрелище было завораживающим и страшноватым одновременно.

«Это конец света. Армагеддон, едрить меня за ногу», – промелькнула у Антона мысль, и он подумал, что неплохо бы присоединиться к Лане, иначе его кишечник сам отреагирует на увиденное.

И только сейчас он услышал истошный вопль, показавшийся ему знакомым. Он вздрогнул, стравивая с себя оцепенение. Тима! Это его голос!

– Тоха, сюда!!! – орал его друг.

Антон бросился в дом. Он слышал позади испуганное «подожди!» Ланы, но не обратил на девушку внимание – в доме явно что-то происходило. Он влетел в дом, в темноте чуть не набив шишку, и со страхом заглянул в комнату. Тима стоял на люке, немного согнув колени и вытянув вперед шею, что придавало ему несколько комичный вид. Только вот исказившееся в животном ужасе лицо говорило, что ничего забавного в происходящем нет и быть не может. Но Антон уже и сам видел – фигура его друга медленно приподнималась и опускалась... приподнималась и опускалась, словно Тима качался на волнах. Его рот дергался, как будто кто-то невидимый растягивал уголки губ, в Тиме явно боролись два противоречивых желания – продолжать удерживать дверь или броситься наутек. Дверь под ступнями снова завибрировала, и охваченный паникой Тима понял, что он приподнимается вместе с крышкой.

– Тимыч, что происходит? – спросил Антон помертвевшим голосом.

– Тащи комод!! – провизжал Тима, с ужасом глядя на вздрагивающий под ногами люк. – И топор!

Антон шмыгнул в комнату, где спала Яна, про себя отчаянно позавидовав девушке, – несмотря ни на что, она продолжала безмятежно спать. Он стал двигать комод к дверям, не особенно беспокоясь, что разбудит ее. Комод оказался на удивление тяжелым, и Антон моментально вспотел.

– Тоха, быстрее! – проревел Тима. – Я не смогу долго удерживать!!!

– Ага... сейчас, – пробормотал Антон. Он выругался – дверной проем оказался слишком узким для комода, и он, прилагая последние усилия, принялся вертеть тяжеленную бандуру, как кубик Рубика, пытаясь протиснуть внутрь.

– Хер с ним, с комодом!!! – орал Тима. – Неси топор!!

Проклятый комод ни в какую не желал быть протиснутым внутрь, и Антон бросился за топором. Он нашел его у кровати и на подгибающихся ногах проковылял в комнату. Тима продолжал стоять на дверце подвала, на бледном лице застыла гримаса ужаса.

– На, – прошептал Антон, протягивая топор Тиме.

– Зачем? – не сводя круглых глаза с люка, спросил Тима.

Внизу все затихло, дверца больше не дергалась.

– Как зачем? Ты сам просил...

– Пусть у тебя будет.

– Нет, – испуганно проговорил Антон, быстро, пока Тима не успел ничего возразить, вложил ему в руки топор и отпрыгнул назад, будто теперь и Тима и топор стали носителями какой-то опасной инфекции.

Повисла напряженная пауза. Дверца под ногами больше не двигалась. Прошло пять минут. Никаких звуков из подвала больше не доносилось, но, как ни странно, это почему-то еще больше тревожило молодых людей – это молчание было похоже на затишье перед бурей. Словно кто-то (или что-то) притаилось внизу и прислушивается к тому, что делается в доме.

– Тимыч, что происходит? – дрогнувшим голосом спросил Антон.

– Там кто-то есть, – ответил напряженно Тима. Он взмахнул топором, наточенное лезвие слабо блеснуло в свете фонаря.

– Это я уже понял... – озираясь по сторонам, произнес Антон.

Лишь сейчас он обратил внимание, что за окнами начался самый настоящий фейерверк. Только совершенно бесшумный. Тима тоже заметил это и спросил:

– Что там было?

– Хрен его знает, – пожал плечами Антон. – Типа, праздничного салюта. Может, это дядя Женя нас ищет? – попытался пошутить он. Затем перевел дух и уже более спокойно поинтересовался: – Ты так и будешь стоять на этом люке всю ночь?

Тима переложил топор в другую руку и взглянул на него. Черты его лица разгладились, но Антон видел, что его друг сам вне себя от страха.

– Я думаю так. Мы поставим сверху кровать, а дверь подопрем комодом. До утра осталось немного, и как рассветет, мы тут же уйдем. У меня нет никакого желания знакомиться с тем, кто там внутри.

– Кто... или что? – шепотом проговорил Антон.

– В смысле? – не понял Тима.

Пыхтя, они передвинули кровать на место люка, ведущего в подвал, и сели сверху.

– А ты уверен... – Антон выдержал паузу и, набравшись смелости, выпалил: – Ты уверен, что там внизу человек?

– Тоха, ты что? Вроде наравне пили, – сказал Тима. Он подбросил топор в воздух и ловко поймал его. – Знаешь, мне вообще начинает казаться, что эта крышка с самого начала была заперта. И на улице карнавал какой-то... Может, это самогон так действует? Ладно, какие будут предложения? – спросил он.

Антон нервно хихикнул.

– Я бы ушел отсюда, – сказал он, с надеждой посмотрев на окно. Радужные краски постепенно исчезали, тая прямо на глазах и сливаясь со свинцовым небом.

Теперь улыбнулся Тима, но улыбка вышла гримасой.

– В четыре утра? И куда, позвольте спросить? Нужно дождаться хотя бы рассвета!

– Куда угодно, – отрезал Антон. Он вспомнил трясущуюся крышку под ногами Тимы, и его снова охватило чувство, будто его внутренности сдавливают ледяные пальцы. Боже, он отдал бы все на свете, чтобы оказаться сейчас на базе!

– Хорошо хоть Яна спит, – произнес Тима, и они одновременно посмотрели друг на друга.

– Тоха, а где Лана? – как можно спокойней поинтересовался Тима, и Антон вздрогнул. Как он мог забыть! Она же все еще там, в лесу!

– Ее нет уже минут десять, – негромко сказал Тима. – Выйди посмотри, не нравится мне это.

Антон направился к выходу, а Тима прильнул к окну. На какое-то мгновение дыхание сперло, и он инстинктивно отпрянул, потер глаза. Затем снова посмотрел. Не может быть!

Где-то в глубине дома послышался мат Антона. Через несколько секунд он влетел в комнату с квадратными глазами:

– Тимыч, дверь заперта! Нас кто-то закрыл снаружи! Я...

– Тихо! Посмотри... да не на меня, а в окно, – сказал Тима, с отвращением чувствуя, что голос его сорвался на фальцет.

– Я тебе говорю, кто-то запер нас снаружи... Если это Ланка, я ей сиськи на спине узлом завяжу, – бормотал Антон, пробираясь к окну. Его реакция была похлеще Тиминой: он так отшатнулся назад, что споткнулся о кровать и неуклюже завалился вниз, ругаясь и барахтаясь. Тима еще раз посмотрел наружу, надеясь, что увиденное им в первый раз ему просто померещилось. Но нет.

Леса снаружи не было. Ни одного деревца, ни елки, ни сосны, ни березки, ни, черт возьми, даже самого поганенького пенька. Вместо этого была какая-то бугристая поверхность, наподобие скалы, по поверхности которой стлался густой туман. Небо стремительно светлело, но даже это не вызвало у него оптимизма. Во имя всего святого, что тут происходит?

– Тоха, иди в другую комнату, – медленно проговорил Тима.

Антон, поднявшийся к тому времени на ноги, уставился на него.

– Зачем? – тупо спросил он. – Я устал и ничего не хочу.

– Посмотри в окно из другой комнаты, – процедил сквозь зубы Тима, хотя в мыслях его неприятно зашевелилось: «Ты что, надеешься увидеть с другой стороны дома Диснейленд, дурилка?».

Антон продолжал стоять истуканом, потирая ушибленный бок, и Тима пошел сам. В комнате, где спала Яна, ощущался стойкий запах перегара, и Тима, невзирая на всю абсурдность ситуации, не смог удержаться от улыбки. Яна, от которой за версту исходил шлейф аристократичности, которая устроила ему скандал только из-за того, что у нее во время «покатулек» на снегоходах сбилась прическа, у которой в беседе на лбу как неоновая вывеска светилось «ДЕВУШКА ИЗ ВЫСШЕГО ОБЩЕСТВА», эта Яна сейчас дрыхла без задних ног, как сапожник-пропойца, раскидав конечности в разные стороны и храпя как паровоз.

Тима без особой надежды взглянул в окно. Те же яйца, только в профиль. Такое ощущение, что их временное пристанище занесло на пик какой-то скалы. Только где?! ГДЕ ОНИ НАХОДЯТСЯ, ЧЕРТ ПОБЕРИ?!!

Он уже собирался сказать Антону, что намеревается топором разнести к чертям дверь, как вдруг застыл как вкопанный. Сквозь туман, обволакивающий дом, медленно вырисовывались контуры человеческих фигур. Три... нет, вон четвертый. Они словно материализовались из воздуха как призраки и теперь направлялись прямо к ним. Рука до боли сжала рукоять топора. Итак, что делать?

Он услышал сзади возню и, обернувшись, увидел, что Антон вновь наполняет фляжку самогоном. Удивительно, но руки его не тряслись, а взгляд был осмыслен и чист, как у хирурга перед сложной операцией, будто Антон истово верил, что, как только он опрокинет стопку, все проблемы растают как сигаретный дым. Или как лес, окружавший их несколько минут назад.

– Хватит бухать, Тоха, – сказал Тима. – Хочу тебя обрадовать. Кажется, у нас скоро будут гости.

Антон отхлебнул из фляжки, даже не поморщившись, и изрек:

– На х... они здесь нужны, гости?

Он что-то еще сказал про nepотребные интимные связи родственников гостей, о которых упомянул Тима, но тот уже не слышал друга. Прокравшись к двери, он замер, держа перед собой топор, как священный крест перед вылезшим из гроба Дракулой. Уже отчетливо слышались голоса. Мужские. Кто это, хозяйева дома? И какие у них будут намерения, когда они войдут внутрь? Отличная картина – Тима с топором, напивающийся в стельку Тоха и лежащая в отрубе Яна.

Снаружи послышался лязг замка, и Тима прикрыл глаза. Снова этот чертов замок! Их что, действительно заперли снаружи?!

– ...всегда удивлялся. И никто мне не мог вразумительно пояснить, откуда да зачем. Сколько себя помню, он всегда тут был, – донесся до него обрывок фразы. Голос был хриловатый, уверенный, спокойный.

Тима шагнул назад. Дверь распахнулась, и он непроизвольно зажмурился от резанувшей глаза утренней белизны.

– Опаньки, – мягко проговорил все тот же голос с хрипотцой. Казалось, его обладатель даже не удивился, встретив на пороге трясущегося от страха юношу с топором в руках.

– Топорик вниз. Быстренько. Вниз! – повысил голос мужчина, и Тима подчинился. К этому времени глаза его немного привыкли к свету, и он возблагодарил бога за то, что вовремя подчинился приказу: прямо на него циклопскими глазами уставились два ружья.

– Вот и чудненько. Ты кто, пацан? – осведомился мужчина.

Тима наконец смог разглядеть «гостей». Все они были одеты как чукчи, которых он как-то видел в старом отечественном кино, – теплые куртки, смешные конусообразные капюшоны, широкие штаны и мохнатые унты. Трое мужчин и одна женщина. Говоривший с ним мужчина был самым старшим из группы и, как сразу определил Тима, наверняка был их вожаком. У него были непомерно длинные усы, вызвавшие у Тимы ассоциации с кубанскими казаками.

– Ты глухой? – спросил усатый и снова поднял ружье.

– Нет, – поспешно ответил Тима. – Я... мы... простите, мы заблудились и случайно нашли вашу избу. Наши снегоходы остались в паре километров отсюда, и мы...

– Снегоходы? – нахмурился усатый. Он обменялся взглядом с женщиной, затем сказал: – Ну что ж мы на пороге стоим, давайте пройдем внутрь. Можно войти? – с иронией спросил он, и Тима молча посторонился, пропуская людей внутрь.

– Сколько вас? – задал вопрос усатый.

– Четверо... то есть было четверо. Сейчас трое, – поправился Тима.

Словно сомнамбула, он повернулся и зашагал в комнату. И чуть не столкнулся с Антоном, который, покачиваясь, шел навстречу. В руках он сжимал табуретку, и его вид свидетельствовал, что он отнюдь не собирается потчевать гостей хлебом-солью. Тима успел перехватить его руку и вытолкать обратно в комнату.

– Тимыч, пусти меня, – бормотал пьяно Антон, но тот крепко держал его. – Где Ланка?! Я ща там всех перемочу...

– Заглохни, – прошептал он. – Дай табуретку, болван... Или нас тут всех положат, понял?!

Он не без труда вырвал из рук приятеля импровизированное оружие, они, спотыкаясь, зашли в комнату и сели на краешек кровати. Яна продолжала спать, перевернувшись на другой бок. Ее тоненькая водолазка задралась, обнажив матово блеснувшую кожу спины, и Тима торопливо прикрыл девушку одеялом. Пришедшие люди в меховой одежде молча выстроились по всему периметру и без того крошечной комнаты.

«Как будто мы сможем куда-то убежать», – с горечью подумал Тима.

– Кто вы такие? И как здесь оказались? – сразу спросил усатый. Он присел на единственный в комнате стул, положив ружье на колени. Тима посчитал это неплохим знаком. Он мельком взглянул на Антона; тот сидел с видом человека, только что пропустившего пару ударов Валуева, и тарасился на гостей осоловелым взглядом. Поняв, что на поддержку в его лице рассчитывать не приходится, Тима откашлялся и произнес:

– Меня зовут Тимофей Уклонов. Это Антон Федоренко, мой приятель. Вчера мы...

– Стоп, Тимофей, – мягко перебил его усатый. На его лице блуждало бесстрастно-скупящее выражение, словно все происходящее вокруг него является неким недоразумением, но в силу сложившихся обстоятельств он вынужден мириться с ним. Он ткнул пальцем в спящую Яну: – Она с вами?

Тима кивнул, с ужасом представляя реакцию проснувшейся Яны.

– Буди ее, – каким-то скучноватым голосом проговорил усатый.

– Но... – попробовал возразить Тима и тут же прикусил язык, увидев, как сверкнули глаза мужчины. *Такой горло перережет и не поморщится*, – подумал Тима и стал трясти девушку. Она вяло отпихивалась, сквозь сон посоветовав Тиме и кому бы то ни было направиться по общеизвестному адресу. Люди в меховой одежде молчаливо наблюдали за этой сценой, и Тима, потеряв терпение, затормошил Яну, как тряпичную куклу, и она наконец проснулась, сев на кровати. На слегка опухшем лице блестели злые глаза, однако злость быстро исчезла, когда она увидела чужаков.

– Как тебя зовут? – спросил усатый.

– Я... Яна, – промямлила девушка и вцепилась в плечо Тимы. – Кто это? – шепотом спросила она, но Тима решил, что сейчас не лучшее время для объяснений.

– Продолжай, – невозмутимо сказал мужчина. Он снял капюшон с шапкой, и оказалось, что он абсолютно лыс, как бильярдный шар.

Тима, сбиваясь и запинаясь на каждом слове, рассказал всю их историю. За это время его никто не перебил, и он тоже посчитал это за хороший знак. Однако после того, как он закончил свое повествование, усатый продолжал молча сидеть на стуле, словно погруженный в свои мысли. Тиме даже стало казаться, что он задремал, как вдруг мужчина заговорил:

– У меня две версии, пацан. Тимофей, так ведь тебя кличут? Так вот, первая – ты и твои друзья схватили «белку», я вон смотрю, бутыль наполовину осушили. Вторая мысль, которая приходит мне в голову, – все, что ты тут мне сейчас наплел, – фуфло. Знаешь, что такое фуфло?

Тима кивнул с несчастным видом. Почему-то в памяти всплыл фильм «Джентльмены удачи», когда Леонов-Доцент старательно зубрил в поезде словарь эзков: «Говорить неправду – фуфло толкать». Вместе с тем он поймал себя на мысли, что даже на протяжении всего своего рассказа он не переставал размышлять о внезапно изменившемся пейзаже за окном. И это пугало его не на шутку. Что произошло?! Может, все дело действительно в самогоне?!

– Только я не могу взять в толк, на кой тебе лапшу мне вешать? – продолжал усатый.

Он посмотрел на Антона и покачал головой:

– Ты-то что скажешь, пацан?

Антон вздохнул и издал звук сдувающегося футбольного мяча.

– Чего? Это что, твое имя? – наклонился к нему усатый.

– Я... это...

– Надо сообщить на Большую землю, – вдруг сказал другой мужчина, тоже с ружьем. У него было тонкое, немного утомленное лицо с пробивающимися точечками щетины. Щеку пересекал небольшой багровый шрам, но он не портил его внешность. – Неспроста это.

– Непременно, – даже не глядя на него, сказал усатый и снова вперил взгляд в Антона. – Ну так ты что-нибудь скажешь мне? Твой друг правду сказал?

– Да, – выдохнул Антон и поднял мутные глаза на мужчину. – Там, в лесу, осталась моя девушка. Ее зовут Лана.

Брови усатого взметнулись вверх:

– Девушка? Пацан, тут никого нет. Признаться, меня чуть Кондратий не обнял, когда я вас увидел в доме. Думал, мы тут одни. А тут вы. Триппер, сифилис, бубон собрался в один вагон.

– К... какой бубон? – помаргивая, спросил Антон, но усатый отмахнулся от него как от назойливой мухи.

– Один вопрос. Подумайте, прежде чем открыть рот, чтобы ответить на него, – медленно проговорил усатый. – Как вы оказались внутри?

Тима глубоко вздохнул, внутренне приказывая держать себя в руках. Над ними что, издеваются? Он ведь только что им все рассказал! Неужели то, что они сделали, такое большое преступление?!

– Я ведь вам все объяснил, – тихо сказал он, но усатый скривился, будто чудом не наступил в коровью лепешку:

– Дверь, пацаны. Ты что, не врубаешься? Дверь была закрыта на замок. И я, слава господи, еще не выжил из ума, сам открыл ее, вот этими руками!

Он снял с рук толстые варежки грубой вязки и потряс сжатыми кулаками (довольно внушительного размера) перед лицами оторопевших ребят. Последняя фраза, прозвучавшая достаточно резко, а также демонстрация кулаков переполнили чашу, и Яна, до поры до времени хранившая полное безмолвие, тихонько заскулила.

– Последний раз, детки. Смотрите сюда. Как. Вы. Попали. ВНУТРЬ?! – усатый встал со стула, и Яна закричала. Тима приобнял ее.

– Успокой ее, – недовольно сказал усатый, как вдруг вмешалась женщина:

– Дильс, хватит. Ты же видишь, они не лгут.

– Но, черт возьми, на этом острове нет никого кроме нас! – крикнул усатый, которого женщина назвала Дильсом. – Кто их мог закрыть? Если ключ у меня?!!

Плач Яны медленно утих и перешел на всхлипывания. Антон продолжал сидеть на краю постели, что-то несвязно бормоча, и лишь Тима во все глаза смотрел на возвышавшегося над ним усатого. Он снова и снова прокручивал в мозгу слова усатого, боясь поверить в то, что проскользнувшая фраза насчет острова не была плодом его разыгравшегося воображения.

На острове... никого кроме нас...

Может, он ослышался?!

– Где Лана? – неожиданно истерично выкрикнул Антон, поднимаясь с места, но мужчина со шрамом быстро шагнул к нему, уперев в грудь ствол ружья:

– Сиди где сидишь.

Голос у него был сухой и хлесткий, как удар кнута.

– Послушайте, – сказал Тима, медленно поднимаясь. Дильс мгновенно поднял ружье.

– Дильс, – мягко сказала женщина, шагнув вперед.

– Пожалуйста, послушайте, – повторил Тима, и голос его крепнул с каждым словом, – мы ровным счетом ничего не понимаем. В частности, не понимаем, в чем мы перед вами провинились. Мы выпили ваш самогон? Съели сухофрукты, сожгли дрова? Извольте, мы заплатим. Но я еще раз вам говорю: мы были в гостях у знакомых! В Хабаровском крае, у дяди нашей знакомой! Ее зовут Лана. Перед тем как вы пришли, она вышла наружу ммм... по своим делам и теперь тоже исчезла! Мы заблудились в лесу, и, если бы не ваш дом, мы давно бы замерзли! А вы берете нас на прицел, как каких-то преступников, и обвиняете черт знает в чем?! – уже почти кричал Тима. – Интересно, как вы бы поступили на нашем месте?!

На лице мужчины со шрамом отразилось что-то вроде удивления, которое, впрочем, быстро исчезло. Но Дильс совершенно неотреагировал на вспышку Тимы и смотрел на него с каким-то веселым интересом, мол, что это за тараканчик такой смелый выискался?

Тертый калач, промелькнуло у Тимы. С минуту они глядели друг на друга, потом Дильс подошел к нему и сказал:

– Пошли.

– Нет! – взвизгнула Яна, заламывая руки. – Не трогайте его!

– Я ничего с ним не сделаю, – устало сказал Дильс. – Ну же. И ты тоже вставай, – обратился он к Антону.

Тот покачнулся, как кукла-неваляшка, после чего неуверенно поднялся с кровати.

– Я покажу вам кое-что. Если вы мне не врете и до сих пор уверены, что находитесь в Хабаровском крае, то вас ждет большой сюрприз.

Третий мужчина, который до этого все время молчал, вдруг ухмыльнулся, и эта ухмылка совершенно не понравилась Тиме. Собственно, как и этот человек. У него было вытянутое бледное лицо с глубоко запавшими глазами, которые беспокойно металось из стороны в сторону, и очень узкие губы, да это и не губы вовсе, а две сложенные ниточки. Тиме вдруг пришло в голову, что человек с таким лицом будет ломать руку ребенку и улыбаться при этом.

– Пошли, – повторил громче Дильс. – У меня нет время подтирать вам сопли.

Он направился к выходу, Тима с Антоном поплелись за ним, как два старых робота с изношенными механизмами. Дильс ногой толкнул дверь, и они вышли наружу.

– Мама мия, – вырвалось у Антона, и он стал тереть глаза. Тима молчал. А что было говорить? Каждое сказанное кстати и некстати слово могло трактоваться этими странными людьми в меховой одежде не в их пользу. Туман немного рассеялся, и теперь они могли хорошенько разглядеть окружающую их местность. Она не баловала разнообразием – камни и скалы. И все. Пара чаек, круживших в морозном небе, которые о чем-то тоскливо переговаривались, да и те скоро улетели. Прямо перед ними виднелись гребни гор, верхушки, словно мукой, покрыты снежным покровом. Но не это поразило юношей. Слева от них было... море. Да-да. Самое натуральное, огромное, без конца и края, оно поблескивало в свете бледного солнца, как зеркало, разбитое на миллиард осколков. Или это океан?

– Как вы думаете, похоже это на Хабаровский край? – задумчиво произнес Дильс. Откуда-то из недр своей толстой стеганой куртки он выудил крошечную коробочку и бережно извлек из нее зубочистку.

– Друзья из Сингапура привезли, – будничным тоном сообщил он ребятам, начиная бесстрастно ее жевать. – В Москве, да и во всем Советском Союзе такое сейчас редкость. Разве что пластмассовое говно найдешь. А оно для зубов вредно.

– Где мы, Тимыч? – севшим голосом спросил Антон, поворачиваясь к Тиме, и тот на секунду испугался: у его друга был такой вид, будто ему по счастливой случайности удалось сбежать из дурдома. – И... где лес? Где Лана? Где наши снегоходы?!

– Как видишь, мне тоже очень интересно, где ваши снегоходы, – сказал Дильс. – Еще больше мне интересно, как вы на них могли тут кататься...

– Тут был лес! – завопил Антон. Он сделал пару шагов на негнущихся ногах, повернулся на сто восемьдесят градусов и сказал, словно успокаивая самого себя: – Лес. Должен быть лес.

– В общем, хватит об этом, – Дильс перебросил зубочистку в другой уголок рта. – Я не собираюсь весь день уговаривать вас поверить в то, что и так у вас перед носом.

– Где мы? – спросил Тима, приготовившись к самому невероятному.

– Остров Усопших, – промолвил Дильс. – Говорит о чем-то?

– Говорит, – прошептал Тима. Он много слышал об этом острове, поскольку любил разные мифические и неизученные явления, а этот остров был как раз одним из загадочнейших мест на планете.

– Северный Ледовитый океан, – продолжал тем временем Дильс. – Ты разбираешься в географических картах?

Поймав недоуменный взгляд Тимы, он снисходительно вздохнул:

– Южнее этого острова Шпицберген и Земля Франца-Иосифа. Это самое близкое, что есть из цивилизации.

– Насколько мы далеко от этих мест? – спросил Тима, холодея.

Дильс пожал плечами:

– Километров пятьсот. Или семьсот. Плюс-минус.

– А Москва? – тоненьким голосом проблеял Антон.

– Что? Москва? – переспросил Дильс и расхохотался. Зубочистка прыгала как живая, каким-то чудом удерживалась во рту. – Я даже не буду отвечать на твой вопрос, пацан. Чтобы не позориться, – пояснил он.

Тиме пришло в голову, что это довольно рискованно – разговаривать, не вынимая изо рта эту штуку. Одно неосторожное движение – и деревянное жало скользнет в трахею.

– Насмотрелись? Пошли в дом.

– А вы-то как сюда попали? – отважился задать вопрос Тима.

– Всею свое время, – не слишком дружелюбно ответил мужчина; сразу стало ясно, что ему не понравилась излишняя любознательность молодых людей.

– Постойте, – раздался дрожащий голос Антона. – А где Лана? Она же была вон там, я помню... там еще елка стояла...

Дильс кинул на него внимательный взгляд, плотнее сжал губы и, ничего не сказав, зашел обратно в дом.

Тима решил немного подышать свежим воздухом, как вдруг услышал внутри дома возбужденные голоса. Чувствуя неладное, он почти бегом бросился внутрь. Теперь все, кроме Яны (она все с тем же ошарашенным выражением лица сидела на кровати, запахнувшись в ветхое одеяло), сгрудились во второй комнатке. И тут Тиму словно током ударило – подвал! Как он мог забыть!

Снизу доносился какой-то шум.

– Дильс, кажется, там еще люди, – сказал молодой человек со шрамом.

– Люди, люди... Хер на блюде, – буркнул Дильс и вскинул на Тиму тяжелый взгляд своих черных глаз: – Почему вы не сказали, что с вами кто-то еще?

– Мы не знаем, кто там, – мрачно отозвался Тима. – Нас было четверо, а кто там внизу и сколько их – неизвестно.

– Отодвиньте кровать, – приказал Дильс. – Нет, вы стойте где стоите, – сказал он, заметив, что Тима сделал шаг вперед.

Мужчина со шрамом взялся за кровать, однако второй, с неприятной ухмылочкой, даже не тронулся с места.

– Костя, это тебя касается, – терпеливо пояснил Дильс. Тот повинился, и от Тимы не ускользнуло, что сделал он это с явной неохотой. Пока они оттаскивали кровать в угол, возня в подвале прекратилась.

– Там с обратной стороны дверцы замок, – счел своим долгом проинформировать Дильса Тима, но тот даже не посмотрел в его сторону. Держа в правой руке ружье, другой рукой он с легкостью откинул люк, будто бы был из картона.

– Значит, так. Если вы меня слышите, то я приказываю вам выбираться наружу. На размышления пять секунд. В противном случае я сам спущусь вниз и тогда за себя не ручаюсь. Возможно, я убью вас. Как по законам военного времени.

Это было произнесено с таким хладнокровием, что Тима невольно поежился, в который раз задав себе вопрос: кто все-таки эти люди?

Несколько секунд, показавшиеся Тиме и Антону столетиями, ничего не происходило, и Дильс сказал, не оборачиваясь:

– Артур, фонарь.

Мужчина со шрамом протянул ему длинный фонарь замысловатой формы. Тима не мог оторвать глаз от этого фонаря. Однажды они с отцом ездили навещать каких-то дальних родственников в Тульскую область, и в одном доме, у каких-то стариков, он увидел на подоконнике именно такой фонарь. Это был не просто раритет, это был архиаритет.

Пока он размышлял, внизу что-то зашуршало, и вдруг раздался мужской голос:

– Я выхожу. Не стреляйте.

Дильс отошел на пару шагов назад, не спуская с открытого подвала ружья. Тима внутренне подобрался. Сейчас он увидит того, кто чуть не довел его и Тоху до инфаркта. Спустя мгновение на поверхность выбрался крупный мужчина средних лет с густой бородой. На нем была черная вязаная шапочка, как у спецназовцев, и камуфляжная куртка, изорванная в некоторых местах, левая рука замотана какими-то тряпками. Он цепким взглядом оглядел комнату, и, когда его пронзительные глаза скользнули по Тиме и Антону, на лице мельком отразилось понимание.

«Понял, что это мы с ним тут кувыркались», – подумал Тима, и его внезапно охватила злость к этому заросшему мужику.

– То понос, то золотуха, – пробормотал Дильс. – А ты кто такой?

– Аполлинарий. Но все зовут меня Аммонит.

– Аммонит? – переспросил Дильс и поглядел на Артура. Тот пожал плечами, продолжая настороженно следить за вылезшим мужчиной.

– Если мне не изменяет память, это головоногий моллюск, вымерший миллионы лет назад, – негромко сказал Дильс. – Ты хоть знаешь это, Аполлинарий?

– Безусловно, – сказал мужчина, и вдруг лицо его расплылось в широкой улыбке. Он отряхнул куртку, и улыбку сменило болезненное выражение.

– А почему, к примеру, не рапан, не устрица, а именно аммонит? – не успокаивался Дильс.

Мужчина хмыкнул:

– А почему тебя называют Дильс, а не Фриц?

Дильс побагровел, на лице явно читалось желание хорошенько врезать этому не в меру остроумному шутнику.

– Внизу еще есть кто-нибудь?

– Никак нет.

– Хм... Артур, проверь.

Мужчина со шрамом нырнул в подвал и, быстро обследовав, вылез наружу:

– Чисто.

– Как тебя сюда занесло? – спросил Дильс.

Аммонит вздохнул и развел руками:

– Не вижу смысла притворяться. Я прятался, у меня проблемы с милицией.

Тима почувствовал, как сзади его кто-то робко обнял. Яна.

– Какие проблемы? – подозрительно спросил Дильс, и ружье, словно живое, качнулось в сторону Аммонита. Последний снова вздохнул. Но прежде чем с его губ слетело слово, неожиданно подала голос Яна.

– Я видела его фотографию. Дядя Женя... показывал нам с Ланой. Милицейские ориентировки, кажется, так они называются?

– Да? – без особого энтузиазма спросил Дильс. – И кто же это? Че Гевара собственной персоной?

– Его разыскивают за убийство, – тихо произнесла Яна. – Он убил человека. Бензопилой.

Тима замер, будто оглушенный. Ну Янка, во дает!

Глаза Аммонита сузились, как у кошки.

– Документы, – посуровев, сказал Дильс и покосился на Тиму: – К вам это тоже относится.

Тима пихнул в бок Яну, и она ушла в комнату за паспортом. Когда у Дильса в руках оказалось три паспорта, он вопросительно уставился на замершего в неподвижности Аммонита:

– У тебя что, пробки в ушах?

– У меня нет с собой документов, – разлепил губы мужчина и, словно ища поддержки, посмотрел на женщину. – Я хочу пить.

– Эта девочка говорит правду? Насчет бензопилы, – спросил Дильс, передавая ружье женщине. Та взяла его, причем держала так, словно всю сознательную жизнь только и занималась тем, что охотилась на беглых преступников.

Аммонит облизал потрескавшиеся губы и выдал из себя вымученную улыбку:

– Это был несчастный случай.

– Он ранен, – вполголоса произнесла женщина. Поймав вопросительный взгляд Дильса, она пояснила: – Рука.

– Снимай куртку, – приказал Дильс, и Аммонит, скрипя зубами, стал снимать куртку. Дильс тем временем, слюнявя заскорузлые пальцы, листал паспорта ребят, и по мере их изучения вытягивалось его лицо.

– Какие-то странные у вас документы, пацаны, – бормотал он. Вдруг лицо его закаменело, и он поднял глаза: – Тимофей!

– Ну, – не слишком приветливо ответил Тима – ему уже порядком надоели эти расспросы, к тому же он толком даже не выпался.

– Когда ты родился?

– Шестого августа тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года, – громко и членораздельно проговорил он. – Там же все написано, – с легким раздражением добавил он.

Аммонит тем временем, морщась, снял куртку, и все увидели, что правая рука его забинтована какой-то грязной тряпкой, на которой виднелись засохшие пятна крови.

– У тебя заражение? – спросила женщина.

Аммонит пожал плечами.

– Вы не могли бы дать мне воды? – снова попросил он, и женщина сказала:

– Костя, принеси.

Молодой человек с непривлекательным лицом снова усмехнулся и процедил:

– Я в шестерки не записывался.

– Константин! – резко бросил Дильс, и тот, демонстративно сплюнув, вразвалочку вышел из комнаты.

– Спасибо. Как вас зовут? – спросил Аммонит, обращаясь к женщине.

– Неважно, – ответила она с каменным выражением, а Дильс рассеянно произнес:

– Ее не зовут, когда надо, она сама приходит... Так-так...

Дильс закрыл паспорта, затем вновь стал листать какой-то из них, будто забыл проверить одну важнейшую запись, и снова закрыл. Вернулся Костя, держа в руке кружку с водой. Он молча подошел к Аммониту и почти швырнул эту кружку ему в лицо, расплескав чуть ли не половину жидкости. Аммонит взял обеими руками кружку, одарив при этом Костю взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. Зато на женщину, которая держала его на прицеле, он смотрел с таким вожделием, что разве что слюна не капала.

– Выяснились кое-какие подробности, товарищи, – сказал Дильс. Словно вееером, он помахал в руке пачкой паспортов, как если бы раздумывал, стоит ли их возвращать законным владельцам.

– В чем дело? – сдвинул брови Артур.

– По паспортам они живут в Москве, – сказал Дильс. – Только сами документы... какие-то странные.

– То есть? – подал голос Костя. Он прислонился к стене, засунув руки в карманы.

«Никогда не доверяй человеку, держащему руки в карманах во время разговора», – пронеслось в мозгу Тимы, и ему захотелось расхохотаться. Так, чтобы снять напряжение, потому что ситуация нравилась ему все меньше и меньше.

– То есть... А впрочем, нате, – он протянул паспорта Артуру, а сам наклонился к Тиме: – Что такое Российская Федерация? РСФСР знаю, а такой нет. Просветите меня, необразованного элемента.

Тима замешкался, вопрос загнал его в ступор. Сзади тихонько пискнула Яна, и этот звук будто бы вывел его из оцепенения. Ужасная догадка, наподобие громадной акулы, медленно всплывала на поверхность сознания:

ВРЕМЯ. Разрыв во времени.

Дильс, как ни странно, тоже выглядел ошеломленным.

– Пацаны, вы думали, что находитесь в Хабаровском крае. В этом я вас разубедил. Теперь, оказывается, началось самое интересное. Твою мать, я даже не знаю, как это называется!

Он хлопнул себя по коленям и забрал у женщины ружье.

– Как вы думаете, какой сейчас год? – проникновенно, почти ласково спросил он, и Антон неожиданно громко пукнул. Костя хихикнул, Антон залился краской и пробормотал «извините».

– Ответ неверный, – даже не улыбнулся Дильс.

– Был две тысячи седьмой, – осторожно сказал Тима. – А что?

– Нет, вы точно психи, – со вздохом проговорил Дильс. – Или я сбрендил тут с вами. Злата, иди посмотри.

Женщина шагнула к Артуру, который продолжал внимательно изучать «дубликаты бесценного груза», беззвучно шевеля губами. Костя отстранился от стены, вынув руки из карманов.

– Сейчас тысяча девятьсот семьдесят первый год, детишки, – улыбаясь, сказал Дильс. – Не верите? Хотите, докажу? Мне даже самому интересно.

Он покопался в своей безмерной куртке и вытащил наружу свернутую в трубочку газету.

– Вот, пожалуйста. Я ее купил в Архангельске, три дня назад, прежде чем лететь сюда.

Тима машинально взял газету и развернул ее. «ПРАВДА». Взгляд сразу уткнулся в верхний правый угол, где стояла дата: 6 января 1971 года.

Рассудок тут же взбунтовался, возразив, что газета могла быть просто старой. Она могла быть подделкой... и вообще.

«Нет, не вообще», – подумал Тима. Газеты, которым почти сорок лет, не выглядят как новые. Он видел старую прессу – желтые, ветхие листы, ломкие на ощупь. Эта же выглядела так, словно ее только что принесли из типографии. А насчет подделки... Кому это на фиг нужно?!

– Мне можно одеваться? – вежливо поинтересовался Аммонит. Холод давал о себе знать, и его тело сотрясала мелкая дрожь. – Или мне еще штаны прикажете снять?

– Сомневаюсь, что там есть что-то, заслуживающее внимания, – бесстрастно промолвила Злата. Помедлив, она потребовала все тем же меланхоличным голосом: – Покажи мне свою руку.

– А твой мужчина разрешит? – нахально глядя в глаза женщине, спросил Аммонит, но тем не менее беспрекословно подчинился, протянул ей руку. Она начала быстро, но аккуратно разматывать тряпки, а Аммонит только кряхтел и скрипел зубами, когда импровизированные бинты с треском отдирались от подсохшей корки. Наконец последний лоскут был сорван, и открылась рана, страшная, с опухшими рваными краями. На лице женщины не дрогнул ни

единый мускул; она быстро ощупала края раны, надавила. Аммонит глухо застонал, из-под запекшейся корочки брызнул гной.

– Порез глубокий. Возможно, задета кость. Похоже на пилу.

Она обернулась к Дильсу:

– Рану нужно обработать. Еще день-другой, и начнется гангрена.

– Ну день-другой он потерпит, правда? – спокойно отозвался Дильс. Он подошел вплотную к Аммониту и мазнул равнодушным взглядом по ране. – Ну а тебе сколько лет?

– Как Христу, – обаятельно улыбнулся Аммонит, но на Дильса эта шутка не произвела впечатления.

– Я атеист, – сухо бросил он. – Но с Библией знаком. Тридцать три?

Аммонит кивнул.

– И ты тоже живешь в двадцать первом веке?

– Совершенно верно. А вы?

Дильс помолчал, затем спросил:

– Кого ты убил?

– Я не убивал. Повторяю, это был несчастный случай.

– Тогда почему ты прятался? – Дильс, казалось, начал терять терпение.

– Так сложились обстоятельства. Мне бы не поверили, что я не причастен к убийству, – ровно проговорил Аммонит.

– Хорошо, – процедил Дильс, хотя его лицо говорило об обратном. – Артур, свяжи ему руки.

Артур с готовностью вытащил из рюкзака на спине моток веревки. Лицо Аммонита потемнело:

– Зачем? Это лишнее, Дильс!

Дильс, возобновивший к этому времени свои расхаживания, вдруг коброй метнулся к нему:

– Я с тобой на брудершафт не пил, понял ты меня?! Так что заткни хлебало... Аполлинарий. Фамилия-то у тебя есть?

– Романов, – примирительно сказал Аммонит, пока Артур деловито скручивал ему руки.

– Вы пока побудьте в этой комнате, – отрывисто сказал Дильс. – А мы решим, что с вами делать.

И прежде чем Тима с Антоном успели что-то возразить, вся четверка проворно вышла за дверь.

– Тима, кто это? – срывающимся голосом спросила Яна. – И где Лана?

– Я не знаю. Никто не знает, – признался Тима. – Ты же все слышала? Если мы все одновременно не сошли с ума (что маловероятно), то я готов предположить, что мы каким-то образом оказались в прошлом. И, самое паршивое, не на том же месте, а на острове. Может быть, Лана осталась там, в лесу.

– Остров? – не поверила Яна. – Ты что, прикалываешься? Антон, что здесь происходит?!

– Чуваки, развяжите меня, – влез в разговор Аммонит. Он произнес это так, словно его совершенно не касались какие-то там несостыковки со временем и местом нахождения. – Вы классные ребята, но я спешу. Я не очень-то понравился этому усатому перцу.

Тима внимательно посмотрел на него.

– Нет, – отрезал он после недолгих раздумий.

– Тимыч, может... – нерешительно начал Антон, поглядывая в окно, но Тима его оборвал:

– Никаких «может». Ты слышал, что сказала Яна? Он преступник.

– Я ничего никому не сделаю! – вдруг крикнул Аммонит. – Если бы вы, бараны, не уселись сверху этого проклятого люка, я давно бы вылез наверх и все объяснил!

– Прекратим этот бесполезный треп, – с безмерной усталостью сказал Тима. – Мы тебя не знаем, ты нас. Лично мне по херу, завалил ты кого-то или нет, это твои трудности. Но сейчас мы все в одном корыте и зависим от этих людей. Кто они? Геологи? Исследователи? Черные археологи? Не знаю. Может, это шайка бандитов. Я только знаю, что пока все козыри у них в руках. И придется делать то, что они прикажут. Прикажут плясать лезгинку без штанов, и мы все будем отплясывать с голыми задницами.

– Я не буду плясать, – надулась Яна.

– Тебе трудно развязать мне руки? – с нехорошей улыбкой полюбопытствовал Аммонит, шагнув вперед. Яна вскрикнула, но Тима смотрел прямо на него.

– Не обижайся на нас, но мы ничего делать не будем. К тому же, что ты сделаешь? У них ружья. Хочешь получить заряд картечи? Валяй, только без нашего участия.

Аммонит поглядел в окно. Тима проследил за его взглядом, и его губы тронула улыбка:

– Ага, посмотри, что там снаружи. Как я понял, ты до сих пор не въехал, в какой жопе мы оказались. Можешь разбежаться и башкой разбить окно. Если не сломаешь себе хребет, попробуй убежать. Только вот интересно, куда ты побежишь.

Глаза Аммонита гневно сверкнули, но он не успел ничего сказать, потому что скрипнула открывшаяся дверь и в комнату вошел Дильс. За ним гуськом прошествовали все остальные. Тима, борясь со страхом, вглядывался в лица этой странной четверки, но они были непроницаемы, легче было прочесть по извилинам, о чем размышляет грецкий орех. Поняв, чего от них ждут, Дильс кашлянул и сказал:

– Такие дела, пацаны. Вы полетите с нами.

– Куда? – шепотом спросил Антон.

Дильс хмыкнул, будто юноша сморозил самую большую глупость:

– Ну не на Луну же. Для начала в Мурманск, заправиться. Мы вас высадим, и там решат, что с вами делать.

– А со мной что? – задал вопрос Аммонит.

Костя раздвинул губы в хищной улыбке:

– И ты с нами, куда ж тебя девать. Сдадим в райотдел, с тобой разберутся.

– В райотдел чего? Ментовки, что ли? – насмешливо поинтересовался Аммонит. Создавалось впечатление, что он совершенно не парился насчет своего будущего и откровенно забавлялся, разговаривая с людьми, от которых, по большому счету, зависела его жизнь.

– Именно, – ответил Костя.

– А за что?

– За убийство, ведь все слышали?

Аммонит рассмеялся. Добродушным, искренним смехом.

– Какое убийство, тупица? Где труп? Учитывая, что на дворе семидесятые годы, полагаю, что он еще под стол пешком ходит и знать не знает парня по кличке Аммонит. Если хочешь на него посмотреть, поезжай в Хабаровск, на улицу Обручева, может, там найдешь пупса с соской и в памперсе.

– В памперсе? – не понял Костя, недоверчиво глядя на Аммонита, и тот снова рассмеялся.

– Ладно, хватит, – перебил их Дильс. – У тебя нет документов, и этого достаточно. Может, ты шпион?

Аммонит глубоко вздохнул, уставившись на свои связанные руки. Узлы, нужно сказать, были завязаны на совесть.

– А что с нами? – чуть не плача, спросила Яна.

– Выясним, – с некоторой долей досады сказал Дильс, показывая всем видом, что разговор исчерпан. – Сейчас выпьем кофе и отправимся на базу. Злата, организуй.

Тима хотел спросить, что это еще за база такая, но прикусил язык. Вопросов куча, но удовлетворявших его ответов почему-то не было, да и Дильс был не в духе.

Когда они наспех перекусили галетами и сушеными финиками, запив это крепким и восхитительно горячим кофе, Яна немного успокоилась. Расчесав свои красивые волосы, она полезла в сумочку и неожиданно наткнулась на мобильный телефон.

– Тимка, смотри! – возбужденно сказала она, начиная щелкать клавишами. – Может, здесь ловить будет?

Однако Тима не разделял оптимизма своей подруги и оказался прав – успехи Яны достучаться до кого-либо не увенчались успехом. С такой же вероятностью можно было попытаться улететь отсюда в Москву на воздушном шаре. Каждый раз после попытки соединения на экране телефона пульсировало раздражающее: «Сбой связи».

– Яна, убери мобильник, – вполголоса сказал Тима, видя, какими глазами на нее вылупились Артур с Костей. Еще бы, сидит какая-то девчонка и с увлечением клацает кнопками, а потом подносит эту штуковину к уху.

Когда в комнату вошел Дильс и заявил, что пора уходить, Костя что-то сказал ему, указывая на Яну. Дильс подошел к девушке:

– У тебя есть рация?

– Рация? – захлопала глазами Яна, непроизвольно подвинувшись к Тиме, и тот решил вступить:

– Это не рация, ммм...

– Можешь звать меня Дильс.

– Хорошо, э-э... господин Дильс...

– Господа в овраге, лошадь жрут, – не меняясь в лице, произнес Дильс. – Так что это за хреновина?

– Телефон, – терпеливо сказал Тима и для пушей убедительности показал мужчине трубку Ланы.

– Телефон?! – протянул Дильс, сдвинув шапку на затылок. Он осторожно, словно боясь обжечься, взял своими огрубевшими пальцами изящный телефон, показавшийся в его широких дубленых ладонях совсем крохотным. – Ты разыгрываешь меня? Где провод?!

– Они без провода, – сказал Тима, и Костя рассмеялся.

Дильс тоже улыбнулся и уверенно произнес:

– Такого не бывает. У любого телефона должен быть провод.

Взгляд Тимы упал на зарядное устройство, и он указал на него:

– Вот провод.

Казалось, Дильс удовлетворился ответом, затем спросил:

– А где диск для набора номера? Нет, не похоже это на телефон!

Из горла Тимы вырвался вздох. Интересно, сколько времени займет лекция об этапах развития системы телефонной связи? И поймет ли его этот уса́тый, прожженный мужик?

– Это правда телефон. Ну... такие стали выпускать в наше время, – вдруг пришел на выручку Антон.

Дильс еще несколько мгновений с каким-то благоговением разглядывал телефон в своей ладони, и Тима уже начал беспокоиться, не решит ли он оставить его себе в качестве сувенира, но тот протянул его Яне со словами:

– Позвони куда-нибудь.

– Не могу, – беспомощно сказала Яна. – Сеть не ловит сигнал.

– Я так и думал. Поролон с яйцами, а не телефон это, – лениво процедил Костя. – Они тебе канифолью мозги заправляют, Дильс, а ты уши развесил...

– Заткнись, – сказал Дильс, и Костя отвернулся.

– На выход, – распорядился Дильс, и все зашевелились.

Дильс шел первым, за ним Злата с Костей (он шел с ружьем и презрительно поглядывал на плетущихся ребят, грозно помахиывая стволом). За молодежью брел Аммонит, Артур замыкал шествие.

– Долго идти? – Тима оглянулся на Артура.

Тот долго молчал, словно решая для себя, стоит ли отвечать, затем нехотя выдал:

– Часа два. С вами, может, и все три.

Антон надул щеки и произвел такой звук, который некоторое время назад произвела его задница. Они стали спускаться с выступа, на котором высился дом. Черный, покосившийся, с мутными окнами, он напоминал избушку ведьмы.

– Тимка, – схватила юношу за руку Яна. – Какое сегодня число?

– Девятое января.

– Но ведь числа совпадают! Ты сам говорил, что он газету показывал!

– Показывал! Ну и что? Янка, год! ГОД не совпадает, врубаешься? – взорвался Тима, и Злата бросила на него оценивающий взгляд. Тима с удивлением обнаружил, что эта женщина, сперва показавшаяся ему неприятной и отталкивающей, стала вызывать у него симпатии (особенно когда она сняла куртку с шапкой и все увидели ее длинные красивые волосы, ниспадавшие золотым водопадом почти до пояса).

– Но этого не может быть, – потерянно проговорила Яна. – Мы что, как те школьники в фильме «Гостья из будущего»?

– «Алиса, миелафон у меня», – кривляясь, пропищал Антон, и Тима прыснул.

– Идиоты, – сердито выговорила Яна. Она шмыгнула носом и жалобно сказала: – Нас ведь уже начали искать, да, Тима?

Тима постучал кулаком по голове:

– Нет, все-таки в анекдотах про блондинок есть доля правды! Яна, проснись и пой! Конечно, нас ищут! Но только не здесь, посреди океана, а в лесу. И не сейчас, а через тридцать шесть лет, поняла?!

– Они сказали, что отвезут нас в Мурманск. Все же это лучше, чем торчать тут, – рассудительно сказал Антон.

– Да? Ты так думаешь? – задумчиво проговорил Тима, и Антону не понравилось, каким тоном это было произнесено, поэтому он запальчиво воскликнул:

– Думаю! А что?

– Я знаю, о чем думает твой друг, – вмешался Аммонит. Он обернулся и зачем-то подмигнул Артуру, но тот не заметил этого жеста.

– Что? – теряя терпение, спросил Антон.

– Если во времени образовалась дыра, а она образовалась, судя по всему, то сейчас ее нет, во всяком случае, мы ее не видим.

– Ну? – Антону было сложно понять логику Аммонита.

– Могу предположить, что это может повториться, то есть дырка опять может открыться. Вот только вопрос, где. Интуиция подсказывает мне, что в Мурманске на это будет меньше шансов, чем на том же месте, где мы находились, – закончил свою мысль Аммонит. – Сечете?

– Гм... оригинально, – покачал головой Тима. – Собственно, я думал об этом же самом.

– Так что, нам нужно сидеть здесь? И сколько это по времени? – задергала Яна Тиму за рукав. В ее голосе вновь появились капризные нотки, и Тима не стал ее успокаивать:

– Много, Яна. Может быть, всю жизнь.

Девушка поперхнулась, но больше вопросов не задавала.

Наконец они спустились на ровную поверхность. Дом, оставшийся где-то вверху, превратился в едва виднеющуюся точку и потом исчез вовсе. Процессия растянулась, Тиме постоянно приходилось подбадривать Яну, так как она совсем сникла и все время хныкала. Вскоре каменная поверхность закончилась, и ей на смену пришел лед, кое-где покрытый снегом.

Иногда встречались глубокие трещины, и ребята перепрыгивали, со страхом поглядывая на них; Артур снисходительно улыбался, наблюдая за ними. Подул сильный ветер, бросая в лицо колючую снежную крошку, и Тима был вынужден отдать Яне свой шарф. Солнце, как пожелтевшее лицо трупа, то пряталось, то исчезало за серыми тучами. На севере тучи расходились, разгоняемые порывами ветра, и между их рваными клочьями высвечивались очертания высоких гор, тянувшихся бесконечной цепью по всему горизонту. На белоснежном фоне гор чернели скалистые отроги. Снеговая равнина покрылась пятнами и полосками, отраженными от неба, фиолетового и лилового цвета. Общая картина безмолвной снежной пустыни и горного хребта была настолько впечатляющей, что ребята, затаив дыхание, не отрывали от этого зрелища глаз. Разговаривать становилось все труднее – ветер не позволял. Ребята с нескрываемой завистью бросали взгляды на теплые одеяния своих невольных спасителей – их собственная одежда, хоть и называлась зимней, явно не подходила для данного климата. Лица задубели от мороза. Надбровья, щетина – все покрывалось прозрачной пленкой, которую приходилось скалывать. Хуже всего глазам, на ресницах и веках толстые наросты. Когда моргаешь, глаза до конца не закрываются, прикрываешь рукой – лед на верхних и нижних веках смерзается, и глаза очень трудно открыть.

Наконец, когда Яна уже практически падала с ног и Тима всерьез подумывал о том, что ее придется нести на руках, они спустились с очередного холма, обогнули широкую щель и оказались в узкой долине, окаймленной черными склонами скал. Где-то впереди, метрах в двухстах (а может, и в пятистах), виднелись два низеньких домика, утыканные антеннами и мачтами.

– Вот и пришли, – донесся до них голос Артура, но сочувствия в нем не было.

Внезапно Тиму за плечо схватил Антон:

– Тимыч... Этот Дильс. Как, он сказал, называется этот остров?

– Усопших, – прокричал в ответ Тима, но ветер унес фразу, и ему пришлось повторить.

Антон сразу как-то сгорбился, став ниже ростом.

– Брось, Тоха. Я не суеверный, – проорал Тима, поддерживая Яну, но Антон уже брел дальше.

– Сейчас отоспитесь, – сказал Дильс, когда они из последних сил ввалились внутрь. Усы его превратились в две сосульки. – А ты, – он посмотрел на Аммонита, – посидишь пока под замком. Не возражаешь?

– Разве мое мнение что-то изменит? – поднял перед собой связанные руки Аммонит.

– Верно говоришь. Злата обработает твою руку и принесет поесть. А вечером у нас будет собрание.

Дильс отвел ребят в небольшую, но уютную комнатку, в которой были только две большие сдвинутые кровати, и закрыл за ними дверь. Глаза ребят слипались, и они, с трудом найдя в себе силы скинуть куртки и обувь, повалились спать.

– Антоооооон! – закричала Лана. В третий раз, но никто не отозвался. Девушке становилось холодно, она быстро натянула трусики, теплые рейтузы (как только люди в деревне зимой живут?!) и, проваливаясь в снег, вышла из-за елки. И тут же обомлела. Антона не было, но не это заставило ее застыть в оцепенении. Дома не было. ДОМА НЕ БЫЛО!

– АНТОООООООООН!!! – завопила Лана во всю глотку, чуть не сорвав связки. Бесполезно, она и сама это понимала – ни Антона, ни других ребят нет поблизости. Только вот где они?! Она задрала голову вверх и пошатнулась от неожиданности. Длинный полупрозрачный шлейф тянулся к самому небу, прямо от того места, где только что стояла эта проклятая избушка. Этот тягучий шлейф был похож на вытянутые нити паутины, ей даже казалось, что в просветах поблескивали клейкие капельки. И эта беловато-жемчужная фиговина исчезала

прямо на глазах изумленной девушки, уносясь к звездам, постепенно обесцвечиваясь и растворяясь в черном небе.

– Так, спокойно, Отрощенкова, – громко приказала себе Лана. – Ты не сошла с ума. По крайней мере, еще не время.

Она медленно зашагала вперед, выискивая свои следы. Ага, вот они. Лана начала идти прямо по ним к тому месту, где три минуты назад стояла изба. Шаг, еще, другой... Девушка в растерянности подняла голову – следы оборвались, и прямо перед ней был девственно белый и чистый снег, без единого бугорка или ямки. Создавалось впечатление, что дом попросту улетел на небо, вместе с Янкой и мальчишками, улетел, как домик Элли в книжке «Волшебник Изумрудного города», которую она обожала перечитывать в детстве. Как такое возможно?

Она бесцельно топталась по снегу, чувствуя, как ее незашнурованные ботинки (какая халатность!) наполняются обжигающим снегом, и совершенно не знала, что делать дальше. Звать на помощь? Она и так всю глотку сорвала, даже пить захотела. Идти искать? Кого, ребят? Дом, который исчез неизвестно куда?

Слезы хлынули из глаз девушки, но она вовремя взяла себя в руки – плакать сейчас нельзя. Торопливо вытерев лицо, она постояла еще немного и приняла единственное решение, показавшееся ей оптимальным в сложившихся обстоятельствах. Она пойдет к снегоходам. По крайней мере, попытается. А там поглядим.

Несколько минут у нее ушло на то, чтобы зашнуровать ботинки. Затем она еще раз с надеждой обвела взором окружающий ее молчаливый лес, без особой надежды позвала на помощь, после чего развернулась и медленно побрела к дороге. Ноги увязали в снегу, губы и веки заиндевели от холода, но девушка упорно шла вперед, шепча себе что-то успокаивающее.

Собрание, о котором говорил Дильс, началось в семь вечера. К этому времени ребята хорошо выспались, и Злата накормила их супом с перловкой и мясом. Тима ел, изредка поглядывая на Яну и втихомолку посмеиваясь. Бедная, она так проголодалась, что набросилась на эту нехитрую еду, как одичавший пес на брошенную кость. Антон тоже не уступал ей, попросив добавки.

Они разместились в самом большом помещении станции. Дильс с важным видом уселся за старый столик, покрытый красной тряпкой (еще бюстика Ленина и графина с водой не хватает, подумал Тима) и обвел присутствующих суровым взглядом, остановившись на Аммоните, который невозмутимо стоял у дверей. Он был в новом свитере и, что удивительно, с развязанными руками. Тима понял, что тут не обошлось без Златы.

– Собственно, товарищи, долго говорить я не собираюсь, – сказал Дильс.

Он посмотрел на группу притихших ребят, стайкой сбившихся на колченогих табуретках:

– После вашей истории я долго думал. И пришел только к одному верному, как мне кажется, выводу. Судя по всему, произошло какое-то невероятное событие, из-за которого вы вернулись на тридцать шесть лет назад. Невероятно, но факт.

– Бред! – недовольно поморщился Костя. Он сидел, вальяжно развалившись на стуле, будто под ним был трон, а не стул вовсе.

– Я пока не давал тебе слова, – не глядя на него, сказал Дильс. – Я не верю в сверхъестественное. Ни в дьявола, ни в бога. Но я верю себе. И своим, черт возьми, зенкам, которые еще у меня работают. Ребята действительно выглядят не так, как мы. Речь. Одежда. Паспорта. А телефон вообще убил меня.

Тима заерзал на стуле, поглядывая в окно. Там уже всю бушевала буря. Ему было неинтересно слышать признания и логические умозаключения Дильса – все это он понял, когда вышел наружу и увидел окружавший их океан, и теперь его интересовало только одно: что их ждет в дальнейшем.

– Единственная загвоздка в тебе, – ткнул массивным пальцем Дильс в Аммонита.

Тот спокойно выдержал этот взгляд.

– Признаюсь, я не знаю, что с тобой делать. Скажу больше – это не моя компетенция. Поэтому я поступлю так. Завтра после обеда мы вылетаем. А там уж не обессудьте, пусть вашу судьбу решают соответствующие органы.

Антон истерично хихикнул, и Яна толкнула его в бок:

– Весело, да?!

– Да нет, – продолжал кудахтать Антон. – Я тут подсчитал... Просто представил, как выглядит моя мама. Ей сейчас, наверное, лет девять. Круто, да?

– Круто? – не понял Дильс.

– Ну, – засмутился Антон, – это означает что-то вроде высшей оценки, – выкрутился он.

– Теперь немного о нас, так как вы тоже имеете право это знать, – произнес Дильс. – Наверное, как нас зовут, вы все слышали. Пусть вас не смущает мое имя – моя мать была немкой, и я не собираюсь менять его только потому, что Германия вероломно напала на СССР. Это Злата, моя жена. Артур и Костя – мои приемные сыновья. Артур летчик, Константин инженер. Я работаю в научном исследовательском институте Арктики. Слыхали про такой?

Антон с Яной неуверенно кивнули, а Тима поспешно сказал:

– Разумеется, слыхали.

– Вот, – удовлетворенно сказал Дильс. – Партия доверила нам, и мне в частности, осуществлять обслуживание этой станции. Это наша советская круглогодичная метеостанция, и раз в год здесь необходимо проводить разные профилактические работы – замена батарей, дозаправка генераторов, настройка радиостанции... Кстати, Артур, как там со связью?

– Никак, – ответил Артур. – Я же еще в прошлый раз говорил, пусть специалистов пришлют. Так что связи с Большой землей пока нет.

– Гм... Ну ладно, у нас в вертолете есть своя портативная радиостанция. Продолжим. Как я уже сказал, этот остров, по сути, необитаем. Не знаю, откуда он получил свое название, но если посмотреть на него сверху, то по форме он действительно напоминает спящего на боку человека. Сто сорок километров в длину, восемьдесят в ширину. Тут есть еще одна зимовка, но она в шестидесяти километрах отсюда и принадлежит государству Чили. Есть ли сейчас на ней люди, я не знаю, меня не информировали.

– А дом? – вырвался у Тимы вопрос, который не давал ему покоя последние часы. – Дом, в котором вы нас нашли?!

– Хороший вопрос, Тимофей. Только у меня нет на него ответа. Этот дом существовал всегда, сколько я здесь был, где-то с середины пятидесятых. Кто его выстроил и для чего – загадка для всех.

– Но ведь там были какие-то запасы, консервы, – сказал Тима. – Дрова, в конце концов.

– Это мы привезли в прошлом году, – просто ответил Дильс. – И самогон тоже. Хорош?

– Да уж, – проговорил сконфуженно Антон и дотронулся до головы.

– А поскольку этот дом находится ближе к нашей станции, чем к чилийской, то мы, посоветовавшись, так сказать, в узком партийном кругу, приняли решение его национализировать, – закончил Дильс. – Почему мы все обалдели, увидев в закрытом снаружи доме людей, то есть вас. Да еще одного в подвале.

– И не говори, – негромко сказал Аммонит. – Дернул же меня черт спрятаться именно в этой избушке...

Дильс строго посмотрел на него, но ничего не сказал.

– А чей это остров? – спросила Яна.

Тима с удовлетворением сделал вывод, что она уже смирилась с ситуацией и больше не вскрикивала каждый раз, когда речь заходила о разнице во времени.

– Ничей. У него социальный статус как у Антарктиды. Промышленные разработки здесь запрещены, геолого-разведочные и археологические исследования тоже, хотя что тут копать

– камни кругом. Наблюдать погоду, температуру, скорость ветра, брать воду на экспертизу – пожалуйста, а все остальное – найн. Еще вопросы?

– На чем мы полетим? – поинтересовался Антон.

– «Ми-24», – ответил Артур. – Знаком с такой моделью? Только недавно государственное испытание прошел.

– Конечно, знаком, – словно обидевшись, ответил Антон, и Тима бросил на него удивленный взгляд. Вертолеты и Антон – понятия несовместимые по определению, читалось на его лице.

– Какая у него взлетная мощность? – ехидно спросил Артур.

– Две тысячи двести лошадок, – не моргнув глазом, сказал Антон.

Дильс присвистнул.

– А номинальная – тысяча семьсот, – «добил» всех Антон, и Артур непроизвольно раскрыл рот. – Первая модель начала разрабатываться на заводе М.Л. Миля, и спустя...

– Все, хватит, верим, – отмахнулся Дильс. – Молодец. А теперь ужинать.

Во время ужина Дильс с интересом поглядывал на ребят, затем спросил:

– Ну коль скоро уж вы из будущего, хотя я до сих пор с трудом верю в это, расскажите чего-нибудь. Кто сейчас генеральный секретарь? Леонид Ильич умер, наверное.

Тима чуть не поперхнулся сайрой с хлебом. Он хотел как-то выкрутиться, но его опередил Антон.

– Брежнев давно умер, – важно сказал он, намазывая маслом хлеб. – Сейчас у нас президент. Путин Владимир Владимирович.

– Президент? – не поверил Артур. – Быть такого не может! Президенты в Америке!

– В 2007 году будет и в России, – сказал Антон.

– А сколько еще республик присоединилось за это время к РСФСР? – поинтересовался Дильс.

Тима замаялся. Сейчас этот усатый мужик с пристальным взглядом устроит им, как говорил Хрущев, кузькину мать.

– Сейчас Российская Федерация поделена на субъекты.

– А, понял. Эстония, Грузия, – закивал головой Костя.

– Нет, – вздохнул Тима, гадая, стоит ли продолжать этот бесполезный разговор. Сказать ли, к примеру, что в 2007 году в России будут царить рыночные отношения, а коммунизм почил в бозе.

– Они стали независимыми государствами и отсоединились, – сказал он.

– А войны больше не будет? – спросила, немного смущаясь, Злата.

– Будет, – брякнул Антон, и Тима толкнул его под столом ногой, но того уже было не унять. – Война с Афганистаном, в конце семидесятых. А война с Чечней до сих пор идет.

– Как с Чечней? – переспросил Дильс недоверчиво. – У меня там столько друзей...

– Уже больше десяти лет, – вздохнул Тима. – С 1994 года.

– Что же это такое? – в голосе Артура слышалось изумление. – Войну с фашистами выиграла, и все заново, здрасте пожалуйста?

Тима тактично промолчал. Если бы они слышали про эпопею о «Бронзовом солдате», устроенную эстонскими властями, их, наверное, кондрашка быхватила. Про падение рубля и прочие проявления капитализма он решил вообще ничего не говорить, иначе его тут расстреляют.

К его счастью, Злата сама перевела разговор в другое русло, видя, что ребята смущены расспросами.

– Может, подышим воздухом перед сном? – предложил Антон после ужина.

Тима согласился, а Артур буркнул:

– Не отходите далеко от станции.

– Почему? – спросил Тима.

– Выйди и увидишь, – не стал пускаться в объяснения Артур, занявшись чисткой ружья.

Тима поймал себя на мысли, что, несмотря на нарочитую грубоватость, Артур в целом производил впечатление неплохого человека, он прямо-таки излучал скрытую силу и надежность. А вот Константин нравился ребятам все меньше и меньше, Антон не преминул воспользоваться случаем, когда они остались одни, и сказал об этом Тиме с Яной.

– Тебе что, жениться на нем? – усмехнулся Тима.

– Нет, но что-то подсказывает мне, что с ним еще будут геморрой.

– Какие геморрой, завтра мы расстанемся и никогда больше не увидим его, – отмахнулся Тима.

Молодые люди обулись, накинули куртки и вышли за дверь. От яростных порывов ветра у них тут же перехватило дыхание – бушевавшая снаружи метель как нельзя лучше проиллюстрировала напутственные слова Артура. Маяк, высившийся в нескольких шагах от них, превратился в едва мерцающее желтое пятнышко, то пропадающее в снежной пелене, то появляющееся снова. Видимость ограничивалась расстоянием вытянутой руки.

– Пошли обратно! – прокричала Яна. – Ужас, я уже замерзла!

«Да уж, и вправду остров Усопших», – не очень весело подумалось Тиме. Неожиданно сквозь снежную светонепробиваемую вату что-то промелькнуло. Кажется, что-то темное... Или это ему показалось?

Когда они вернулись в помещение, Дильс как раз заводил в подсобку Аммонита.

– Придется тебе пока побыть здесь. Мы тебя не знаем, ты нас тоже, так что я не могу рисковать. Не держи на меня зла, товарищ Аполлинарий, – говорил он.

– Я тебе не товарищ, – вспыхнул Аммонит. – Товарищ от слова «товар», а я не продаюсь.

– Как тебе будет угодно, – ничуть не смутился Дильс и ловко закрыл за Аммонитом дверь, нацепив на нее здоровенный замок. И замок и ключ были стилизованные, как в старых русских сказках, потемневшие от времени.

– Спокойной ночи, товарищ! – раздался за дверью насмешливый голос Аммонита.

Дильс покачал головой.

– Скорее бы отвезти вас, ексель-моксель. Свалилось блядство на мою лысую башку. Артур, проверь метелемер.

Артур, к тому времени закончивший чистить ружье, убрал в специальный шкафчик оружейное масло с шомполом, а патроны переложил к себе в карман. «Открыл» ружье, скрупулезно оглядел каждый патронник, закрыл, взвел курки и щелкнул спусковым крючком. Проведя эти манипуляции, он передал ружье Дильсу и, быстро надев сапоги с курткой, вышел в ревущую пургу.

Он закрыл лицо теплым шарфом, включил фонарь, стараясь не забирать в себя слишком резко воздуха: нередко люди, впервые попавшие в подобный климат, теряли сознание только из-за того, что неправильно дышали. Фонарь пробивал снежную завесу максимум метра на три, и идти приходилось очень осторожно, буквально на ощупь. Однажды он, при силе ветра всего 30 метров в секунду, отошел в радиостанцию (она в 15–20 шагах от маяка), а потом попытался вернуться обратно. Ощущения такие, словно он искупался ночью при сильнейшем шторме, состоящем из ледяной крошки. По дороге возникали какие-то ямы, которых не было еще вчера, снежные барханы, образовавшиеся всего час назад, и все это в окружении беснующейся молочной бури.

Артур обошел станцию с торца, остановившись в двух метрах от маяка. Здесь располагался искомый метелемер, представлявший собой высоченный столб, на котором на различных расстояниях от поверхности установлены круглые заборники воздуха, оканчивающиеся

женскими капроновыми чулками. Заборники самоустанавливаются по ветру, и в такие чулки за определенное время попадает некоторое количество снега, по которому можно определить, сколько его переносит в горизонтальном направлении метель через единицу длины берега. Артур вспомнил, как Дильс на досуге подсчитал, что через каждый километр переносится примерно 110 тысяч тонн снега в сутки. А это, как он заявил, равноценно 200 железнодорожным составам из 50 вагонов со снегом в сутки!

Неожиданно его правой ногой что-то коснулось, и молодой человек непроизвольно отшатнулся...

– Ну что встали? Идите спать. Или днем выпались? – Дильс окинул ребят добродушно-усталым взглядом. Те неловко переминались, явно чувствуя себя не в своей тарелке. – Давайте идите, завтрашний день будет не из легких. Обещаю.

Тима переглянулся с Антоном. Мысль о том, что все происходящее явилось следствием нахождения их в том злосчастном доме, не давала ему покоя. Что-то внутри него утверждало, что покидать остров преждевременно.

Вот только интересно, сможет ли он правильно сформулировать перед Дильсом свою идею?

– Да, Тимофей? – сказал Дильс, вопросительно глядя на юношу.

В этот момент дверь в дом распахнулась, и внутрь ввалился Артур. Словно снежный ком, скатившийся с горы.

– Ты что, привидение повстречал? – улыбнулась Злата, но тут же посерьезнела, увидев выражение лица Артура. Уже все видели, что он, будучи не робкого десятка, сейчас выглядел как человек, случайно наткнувшийся на могилу с собственным именем.

– Человек, – выдохнул он. Снежинки медленно таяли на его ресницах и бровях, образуя тоненькие ручейки, создавая впечатление, будто он плачет.

После этого слова все замерли, только Дильс спокойно повернул голову в его сторону:

– Ты уверен?

– Стал бы я шутить!.. Прямо здесь, у маяка, лежит прямо на снегу.

– Жив? – быстро спросил Дильс, накидывая на плечи куртку.

– Вроде шевелился, – пожал плечами Артур.

Дильс тем временем обвел молодежь взглядом, остановившись на Тиме:

– Пошли с нами. Злата, а ты согрей воды и приготовь аптечку.

Тима стал с покорностью одеваться.

Человек находился за домом, крупный мужчина, наполовину занесенный снегом. Дильс посветил ему в лицо, облив желтым светом неестественно широко раскрытые глаза и смерзшуюся в ледышку бороду. Обмороженные щеки и нос, которые уже стали похожи на стеклянные (треснешь молоточком, того и гляди, разлетятся), – все было белым, белее снега, облепившего фигуры людей с ног до головы. И самое невероятное заключалось в том, что в этом бедняге еще теплилась жизнь, даже более того, он продолжал бороться за нее, находя в себе остатки сил куда-то ползти...

Дильс быстро сориентировался – почти насильно влил в заледеневшие губы бородача немного спирта, затем скинул куртку и, постелив ее на снег, с помощью Артура перевернул на нее полубессознательное тело мужчины.

– Берите его за руки! – скомандовал он, становясь сзади. – Тащите!

И они потащили, утопая в снегу по колено. Несмотря на то, что сзади их подстраховывал Дильс, да и Артур с Тимой были крепкими ребятами, неизвестный все равно показался им очень тяжелым. Он был самым настоящим великаном.

Внутри уже было все готово – Злата достала чистые простыни и медикаменты, рядом на табуретке стоял большой таз с кипятком. Лицо Златы было безмятежным, словно она при-

готовилась слушать какую-нибудь историю перед сном, а не осматривать невесть откуда взявшегося обмороженного мужика. Яна испуганно выглядывала из-за ее плеча, мучаясь своеобразной антиномией: с одной стороны, ей было страшновато, с другой – жутко любопытно, и в конце концов, победило последнее. Она даже вышла из-за спины Златы и не без опасения приблизилась к неподвижно лежащему телу здоровяка.

– Какие у него шансы, Дильс? – спросил Артур.

– Откуда мне знать? – отозвался Дильс. – Может, он умрет через минуту. А может, через две. А если повезет, выживет.

– У него обморожено лицо, – сказала Злата, бегло осмотрев кожу незнакомца.

Она осторожно приподняла его веки, как неожиданно растрескавшиеся губы мужчины искривились в ухмылке, и она непроизвольно отшатнулась. Дильс поймал ее испуганный взгляд и пояснил:

– Если он еще может улыбаться, значит, все будет нормально.

– У него такие синие глаза, – заметила Яна.

Дильс со Златой принялись раздевать лежащее на полу тело. Это тоже было делом нелегким – вся одежда промерзла до такой степени, что по своей твердости напоминала кусок асфальта. На нем была стеганая куртка и кухлянка – чукотская рубашка мехом внутрь, ноги обуты в огромные мохнатые унты, сплошь в сосульках. Отчаявшись раздеть великана, Дильс достал из аптечки скальпель и стал распаривать дубовую материю. За поясом мужчины оказался нож с широким темным лезвием в зазубринах и рукояткой, вырезанной из рога какого-то животного.

Аккуратно распарывая заиндевевшую рубашку незнакомца, Дильс распорядился согреть еще воды, отправив для этого Костю. Тот, что-то недовольно буркнув, пошел выполнять поручение, а все остальные сгрудились над бородачом, сгорая от нетерпения. Наверное, единственный вопрос, который вертелся у всех в голове, был только один – откуда этот человек?

«Не удивлюсь, если он очнется и скажет, что сейчас 20-е годы», – подумал Тима. В самом деле, что мог делать на необитаемом острове этот странный человек? С одним только ножом?

Будто угадывая его мысли, Дильс проговорил:

– Сто плешивых пингвинов мне в трусы, но спорю на получку, что этот тип не похож ни на полярников-чилийцев, ни на любителей опасных путешествий, ни вообще на кого-либо, кого здесь можно встретить. Это не ваш друг? – он искоса взглянул на ребят.

– Нет, – словно оправдываясь, сказал Антон, будто бы непризнание этого бородастого, похожего на лешего мужика, своим другом было их виной.

– Отойдите, не мешайте, – велела Злата.

Все сделали шаг назад, хотя любопытство было сильнее.

Незнакомец был очень истощен, хотя по всему было видно, что в недавнем прошлом он был человеком крепким. Волосы светлые, почти как у альбиноса, борода чуть темнее, плечи и спину покрывали глубокие шрамы, на груди татуировка в виде огромного кельтского креста, который беспорядочно переплетали толстые змеи с разинутыми пастьями, из которых свисали раздвоенные языки. Надпись, изображенная под крестом в готическом стиле, гласила:

UNSCARRED

Но самый натуральный шок наступил, когда Злата и Дильс с неимоверным трудом стащили с него закостеневшие штаны. На левой ноге, от бедра до правой ягодицы, зияли две глубокие раны. И довольно свежие.

– Ого, – выдавил из себя Костя, сделав непроизвольно еще один шаг назад.

– Что это? – не выдержала Яна, дернув Тиму за локоть. – Медведь?

– Нет, откуда? – отозвался Дильс.

Он рассматривал раны с неподдельным, почти веселым интересом, как если бы находился в какой-нибудь лаборатории и перед ним лежал препарированный кролик, а не полумертвый мужчина с изгрызенной кем-то ногой.

– Руки и ноги тоже обморожены, – констатировал он, бросив взгляд на пальцы нездорового белого цвета и, наоборот, почерневшие ногти. – Хотя, думаю, до ампутации дело не дойдет. Может, ногти сойдут. Если он проживет эту ночь, то у него есть все шансы выкарабкаться. Злата, согрей бульону, вдруг он снова очнется. Перенесем его на кровать. Очень надеюсь, что он не болеет какой-нибудь заразой.

– Сплюнь, – посоветовал Костя, но Дильс с невозмутимым видом начал шарить по карманам незнакомца. Результат, казалось, немного огорчил его – они были абсолютно пусты.

Он уже собирался кинуть груды белья в алюминиевый таз, как вдруг глаза его сузились – в рубашке был крошечный внутренний карман, и он был намертво зашит суровыми нитками. Судя по всему, в нем что-то лежало, твердое и плоское. Не долго думая, Дильс подцепил скальпелем стежок, разрезая карман. Вскоре в руках его оказалась... монета. Размером с пятак советских времен, только более тяжелая, с неровными, будто бы обгрызенными, краями.

– Что это, Дильс? – жадно спросил Костя, не сводя взгляда с монеты. – Она... она золотая?

– Похоже на то, – задумчиво пробормотал Дильс, поднеся монету к свету. Затем осторожно нажал лезвием скальпеля на боковую сторону монеты, оставив на ней царапину.

– Золото, – уверенно сказал он. – И причем, как я вижу, самой лучшей пробы.

– Но откуда она у него? – удивленно спросил Артур. – Уж не хочешь ли ты сказать, что он нашел ее здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.